

ЭКСПЕДИЦИЯ ВО МРАК

II ЧАСТЬ – ЛИЦОМ К ЛИЦУ С ПРОПАСТЬЮ

5. В ЧЕЛЮСТЯХ СИНЕГО ДРАКОНА

3. ВЕС ЗОЛОТА

Их имена все еще мало кто знает. Владимир Киселев, Илья Александров, Евгений Войдаков – Москва, Виктор Яшкин и Николай Боровой – Ростов-на-Дону, Петр Миненков, Виктор Мельников – Красноярск, Виктор Комаров – Рязань...

Пусть не обидятся те, кого нет в этом произвольном перечне – о советских спелеоподводниках еще предстоит написать.

Зато Йохена Хазенмайера знают во всем мире.

Он достоин того, этот мужественный исследователь подводных пещер. Но вчитываясь в описания его феноменальных достижений, невольно сравниваешь: а мы – смогли бы?

Другая знаменитость, обладатель рекорда своего времени по погружению в Воклюз француз Клод Тулумджан, в 1989 году приезжал в СССР поучаствовать в штурме Мчишты – крупнейшего в Абхазии сифона-источника.

Исследования источника начались в 80-х годах. Окрашивание вод, уходящих в глубь Бзыбского карстового массива, показало – практически все они появляются в Мчиште. Самое удивительное, что окрашивание показало связь между источником и находящейся от него на расстоянии 25 километров (!) подземной реки пропасти Снежная.

Было похоже, что Мчишта – нижний вход в Бзыбский коллектор – магистральную дренажную систему многочисленных пещер, в том числе глубиной более километра, украшающих эту часть Бзыбского хребта.

Прохождение сифона сулило возможность открытия без преувеличения огромной подземной страны.

В августе 1976 года красноярцы Бяков и Коносов – тот самый Володя Коносов, о котором я уже рассказывал, впервые "потрогали Мчишту за вымя", сделав рекогносцировочные погружения на 15–20 метров в "дальнем" сифоне (*202).

Однако легкого успеха добиться не удалось. Как это "принято" у солидных сифонов, Мчишта сразу поставила первопроходцев в жесткие условия. Наши спелеоподводники (в отличие от бойцов-водолазов советских спецслужб) были крайне скудно экипированы. Поэтому 10 лет потребовалось для того, чтобы распечатать черно-голубые ворота Мчишты.

Это были трудные десять лет.

В 81–82 года к исследованию сифона подключаются аквакейверы Владивостока. Смешанная двойка, составленная из лидеров подводных групп: красноярец Петр Миненков и предводитель владивостокцев Рашит Бадрутдинов, продвигаются в глубины "дальнего" сифона на 60 метров, уйдя на –30 метров в глубину.

Мчишта круто проваливалась вниз.

* * *

Но зимой 1984 года нашупан другой путь.

22 января Петр Миненков уходит на –42 метра в основной сифон, едва не достигнув перегиба, о наличии которого еще никто – НИКТО – не знал.

На следующий день москвич Юрий Корнеев достигает перегиба на глубине –45 метров.

Так через 6 лет после погружения Юрия Панова, а затем и Владимира Свистунова на -45 метров в Сукурайском сифоне, рекорд нашей экспедиции "Сумган-78" был повторен в Мчиште.

Но, в отличие от Сукурая, Мчишта показала отчаянной двойке первопроходцев перегиб свода на всплытие в первый засифонный воздушный пузырь – на Мчиште, наконец, замаячила Удача.

Но той зимой глубже и дальше пройти не удалось.

Через год предпринимается новая попытка. Снова зимой. На Мчишту прибывает экспедиция ростовчан, усиленная подводниками Москвы, Рязани, Каунаса, Тбилиси.

Но усилия лидеров группы Виктора Яшкина и Владимира Грицихина пройти перегиб основного сифона окончились неудачей.

Фортуна улыбнулась через плечо...

* * *

Но экспедиции продолжались. Зима на Кавказе – это не Сибирь. Вода поприятнее, и на воздухе не мороз. Кроме того зимние экспедиции могли не опасаться мощных паводков, что в другое время года превращали Мчишту в неукротимого зверя.

И вот в феврале 1986 года красноярцу Петру Миненкову в паре с ростовчанином Владимиром Грицихиным удалось всплыть за перегибом свода во входном сифоне Мчишты, преодолев путь в 150 с максимальным погружением на -45 метров.

Кроме этого, были соединены "дальний" и "основной" сифоны. Но достигнутый за перегибом воздушный пузырь оказался слепым.

Теперь предстояло искать продолжения. Благо, возможностей для этого было предостаточно.

Как это обычно бывает, первый серьезный успех катализировал активность работ на Мчиште. Сифон был пройден, ждал дальнейших атак.

И они не замедлили быть.

К сожалению, никто не попытался распечатать Мчишту этим же летом.

Август-86 на Кавказе выдался удивительно сухим, Бзыбь высохла напрочь, что, кстати, облегчило нашим болгарам путь ко дну Снежной, которая тем летом выглядела непривычно кроткой. Никогда я не видел Большого колодца Снежной в таком виде – обычно все терялось в застилающих обзор брызгах. А тут – смотришь, как в телескоп – все видно до самого предела!

Мчишта ждала своих смельчаков, но в том году так и не дождалась.

"Рыбы" отправились на Мчишту в феврале следующего года – традиционно зимой. К сифону прибывает объединенная красноярско-владивостокская экспедиция.

Но и зимы бывают разные. Наверно, Мчишта обиделась за невнимание к себе в предыдущее засушливое лето. Расход воды неожиданно "вспух", и это чуть не обернулось серьезными неприятностями.

Подводники вынуждены были вернуться ни с чем, кроме решимости продолжать.

Известно, что если масть не идет, не мешает сменить колоду.

Так и поступили, потому что следующая попытка была предпринята в августе того же года. На этот раз работали только Красноярцы – из Владика далековато до Бзыби, чтобы ездить каждые полгода.

Количество неизбежно переходит в новое качество. Сифон сдал еще несколько рубежей.

Сначала двойка Андрей Скачков – Сергей Перевалов прокладывают ходовик из Первого пузыря во Второй, а следом Миненков соединяет Второй пузырь с Третьим. Общая протяженность пройденного подводного пути достигла 250 метров.

За Третьим пузырем спелеоподводники впервые попали в засифонное продолжение пещеры, доступное для прохождения без аквалангов – 500-метровая галерея богато украшенная натечками с реальными вариантами продолжений.

Это была сенсация!

Ко мне эта новость просочилась на Международном симпозиуме спелеологов в Тбилиси из уст Володи Киселева, который всегда был на полшага впереди всех нас, и не только в информации.

Тогда же, 11 октября, я впервые увидел Мчишту, когда нас в толпе иностранных спелеонаучных светил привезли подивиться на Абхазского Дракона. Сифон прятался от прозрачного осеннего солнышка в тени предсифонных гротов за крупноглыбовым навалом у входа. В нескольких сотнях метров ниже били хвостами толстые рыбы в бетонных ваннах форелевого хозяйства. И высилась над нами Бзыбь: Напра – прямо, где-то правее – Хипста.

Мы стояли у воды втроем: Володя Резван, Камен Бонев и я.

Сифон дремал у наших ног. Будто ждал.

Почти ровно через год..., впрочем, об этом дальше.

* * *

1988 год оказался тяжелым годом для советского аквакейвинга.

А начинался он Всесоюзным семинаром спелеоподводников, под флагом которого отправлялась на Мчишту очередная экспедиция.

Характерная черта того времени – устроить учебное мероприятие на самом сложнейшем источнике! Посвященные радовались возможности заняться первоисследованиями за профсоюзный счет. Новички привыкали к тому, что можно вот так запросто взять и понырять в суперсифоне.

Это мое личное мнение, но я считаю работу в сифонах достаточно серьезным делом, чтобы позволять себе нырять без удовлетворительных тренировок, в недостаточно подогнанном, а то и вовсе не испытанном снаряжении.

Одно дело дошивать в поезде комбинезон для "сухопутной" пещеры, другое – лезть в сифон в гидрокостюме "с чужого плеча".

Но каждый, конечно, понимает профессионализм по-своему.

Как бы там ни было, но в январе 1988-го Мчишта, не стерпев такого к себе отношения, впервые показала леденящий оскал.

В сифоне едва не остался ростовчанин Виктор Яшкин.

Мой добрый товарищ по кавказским делам Витя Яшкин, впоследствии один из ведущих подводников Союза, рассказывал о том случае очень скупое. Так что подробности пришли только с книжкой Андрея Нора.

Вот как это было.

"4 января.

Утром решили, что на прохождение идут Миненков, Перевалов, Яшкин, Войдаков, Рашит Бадрутдинов и Крамаренко. Воздуха было с учетом всяческого резерва только на шестерых; когда к Пете подкатила Женя Глаголева, он ответил, что, мол, воздуха не хватило даже для Андрея Нора. Это было некоторым утешением.

Чтобы не бездельничать, вызвался ехать на зарядку баллонов. Желающих. кроме Кохи (*203), не нашлось.

...Все это, впрочем, было потом, а пока мы с Кохой вернулись на базу и удивились, встретив там Рашита. Оказалось, что во втором пузыре он встегнулся не в тот ходовой конец и вернулся в первый пузырь. Из-за ограниченного запаса воздуха пришлось возвращаться на поверхность и объяснять ситуацию Петке по телефону. Вообще, уходили они туда с полными четырехбаллонниками и тащили еще баллон в руках на дорогу. Кто-то из москвичей пошутил: "Куда там Хазенмайеру!"

Когда мы приехали, нас попросили отнести по баллону с легочником на -20 и на -30 метров и достать три баллона с перестежки на -8 метрах. Оказалось, что больше лезть некому: Рашиту нужна будет большая декомпрессия и он приболел, у остальных – порванные уши, недостаток опыта или еще что-нибудь.

5 января.

Утром пришла машина от нашего старого знакомого Володи Резвана из Адлерской гидрогеологической лаборатории, которая заинтересована в нашей работе и помогает, чем может. Вчетвером загрузили 20 баллонов и поехали в Гудауту.

Несколько позже вторым рейсом шофер привез пустые баллоны, с которыми парни вернулись из-за сифона, но подробностей нам не сообщил, между тем они были очень важными. Раньше из телефонных разговоров мы знали только о том, что вчера ребята прошли с топосъемкой около 600 метров и дошли до озера.

Мы спокойно дозарядили баллоны и приехали той же машиной на Мчишту, где были встречены встревоженной толпой. Оказалось, что Голуб во втором сифоне порвал маску, а у Вити Яшкина маска утеряна, порваны оба уха и он заработал кессонку, они уже семь часов ждут помощи в первом пузыре. Петя вернулся за сифон, чтобы не тесниться в первом пузыре, и сидит на телефоне.

Потом мы узнали, как это получилось. Больше суток без сна, в тяжелой работе под землей – это немало, и мы должны были быть готовы к ошибкам и неприятностям при возвращении. Войдаков и Перевалов вышли нормально, за ними шел Витя. Внизу он проскочил репшнур, который Рашит до этого закрепил для обхода большой бороды (*204) на дне, попал в эту бороду и запутался. Когда распутался, решил вернуться в пузырь из-за недостатка воздуха, но, скорее всего, по ошибке. На всплытии началось сильное головокружение. Позже, когда я там же всплывал, казалось, что иду по спирали. Было неясно, идет ли так ход, крутит ли течение или это только ощущения, вызванные отсутствием ориентиров и смещением центра тяжести. Было впечатление, что крутит очень быстро, очевидно, против нас работал в какой-то степени и дискомфорт. На разборе выяснилось, что такие же ощущения были у многих, а еще позже мы научились ждать этого и относиться к этому с философским спокойствием – хорошего, конечно, ничего, но не так уж опасно и ничего с этим не сделаешь. Но все это было потом.

Витя зажмурил глаза, попробовал всплывать, оставив на дне транспортный контейнер с фотоаппаратурой. На всплытии у него стал заканчиваться воздух. Он не мог найти второй легочник, продолжая подъем, шарил рукой и находил то свет, то карабин...

Похоже, что загубник он нашел уже недалеко от края, за которым теряют остаток сознания. После первых же хороших вдохов стало легче и перестало крутить. Рванул наверх, при попытке стравить воздух через шлем, сорвал маску и вылетел на поверхность. Петька тут же дал ему свою маску и велел отсидеть 3 и 6 минут на 6 и на 3 метрах, но Витя не досидел, и, когда вышел, его немного ломало (*205). Дальше Петя ушел за третий сифон и там остался, а парни "разгидрились" (*206) и мерзли мокрые то сидя, то стоя согнувшись, как позволял камень. Помочь им могли только с поверхности.

Когда мы приехали из Гудауты, у мужиков шел тридцать шестой час подземки и четвертый час спасработ. Из тех, кто был на Мчиште, нырять было уже не кому – кто за сифоном, кто уже ходил и потребует долгой декомпрессии, кто не подготовлен, кто болен. Рвались в бой, естественно, все, но Петька по телефону запретил идти добровольцам и назвал только нас с Рашитом. Когда Рашит не смог, опять посыпались предложения, вызвались Доктор Саша (мужик вполне толковый, но до этого всего однажды ныривший в сифон) и Андрей Скачков, только что вышедший из барокамеры. Эти двое быстро друг другу запретили, потом нашлись еще какие-то люди, в конце концов, Жень Войдаков принял командование, и было решено отправить меня и Серегу Перевалова.

Я плохо представлял, как все это будет выглядеть – сказали, что Яшкин в тяжелом состоянии и его надо будет транспортировать вдвоем, сифон мной ни разу не пройден...

Так меня никогда не собирали. Кто-то готовил аппарат, несколько человек помогали одеваться. Сухой одежды у меня уже не было, снял тельняшку с Захарова, нитронку с Кохи, шапку с Леши Жаровова из Архангельска. В моем свете надо было менять блоки и проверять, поэтому Войдаков предложил свою каску с двумя длинными фонарями, Витя Рыбкин из Керчи дал налобник, который я повесил на шею на случай потери каски. Аппарат увидел уже у воды – четыре баллона, три легочника, на спаренных баллонах манометр.

Сергеа ушел вперед – он должен был на дне, на перегибе, подобрать уже заброшенный кем-то трехбаллонник. Я взял с собой "Украину" (*207) и пошел следом. Шел медленно и тяжело – "Украина" тащилась по дну и застревала где только можно, появились проблемы с ушами. Собирали меня быстро и не предупредили о репшнуре, который Рашит наладил для обхода бороды. На дне я был озадачен, когда дошел до конца основного ходового конца: к нему был привязан более тонкий тросик, а дальше от тросика отходил какой-то реп. Решил попробовать пойти по тросику, так как знал, что это главный ходовой конец, но уже чувствовал себя неуютно. Через несколько метров тросик вошел в такой клубок, что стало совсем противно. Впереди была беспорядочная куча концов, из которых только один вел в нужном направлении, а остальные должны были где-то кончиться, вся эта куча лежала на сорока пяти метрах, впереди и сзади – непростой путь наверх. То, что я здесь не первый, в тот момент помогало слабо. Кое-как выбрал то, что показалось подходящим. Позже мне рассказали, что тросик там еще навит в несколько оборотов на какую-то глыбу, так избавлялись от слабину. Не знаю, возможно, глыба и была. Во всем этом путалась еще взятая с собой "Украина"..."

"Безумству храбрых поем мы песню..."

Кое-как экипированные чужим снаряжением, толком не знающие, куда идти, продираясь через смертельно опасную путаницу "нитей Ариадны" на почти предельной для себя и своих аппаратов глубине, два человека шли в неизвестность, чтобы попытаться исправить чужие ошибки и предотвратить то, что вот-вот готово было случиться.

Нельзя бесконечно искушать Судьбу, работая на пределе, на самой грани дозволенного.

Но даже Судьба уступает мужеству.

"За бородой стало проще. Попал на глинисто-песчаный склон, где до этого не был. Когда поднялся по нему до –35 метров (конец склона, начало участка вертикального всплытия), показалось, что кончается воздух в двухбаллоннике. Шел я все-таки уже довольно долго – минут 20–25: задержался из-за ушей перед перегибом, проходил бороду и вообще замешкался. Переключился на один из баллонов, стало легче дышать, и выход прошел без проблем, хотя и по спирали. Это, впрочем, не мешало.

Под конец с перепугу сделал серьезную ошибку – показалось, что уже поверхность, а так как знал, что ходовой конец завязан под водой, а уровень ее повышался, – выстегнулся, не доходя до узла.

Конец всплытия вообще был некомфортным – баллоны без поясного ремня всплывали, я спешил и сильно раздувался, но надеялся, что не придется останавливаться для стравливания воздуха из гидрокостюма. Травящий клапан почему-то работал хуже, чем на первом и втором спусках.

Так или иначе, я вышел в пузырь, увидел этот камень и сидящих на нем Голуба и Яшкина, в воде плавал Серега. Витя был в приличном состоянии, уши оказались целы, и кессонку он вроде бы не ощущал. Возможно, она почудилась ему с перепугу (кто ищет, тот найдет симптомы), возможно, он задавил ее, сосредоточившись на трудностях. Так или иначе, единственной, но очень серьезной проблемой перед выходом оказались переутомление и переохлаждение. Я не знаю, на чем они еще держались, – шел тридцать восьмой час с начала работы и восьмой час сидения-стояния на камне в мокрой одежде. Выдал им переданные доктором таблетки глютаминовой кислоты (от переохлаждения).

В воде под камнем сразу шел отвес, стоять было негде. Пристегнули с Серегой аппараты к свисавшему с камня репу (*208) и вылезли на камень ждать Петьку. Ждать пришлось недолго. Петя принес телефон, связались с поверхностью. Первым в одиночку пошел Серега – ему предстояла большая декомпрессия и надо было торопиться. Когда по телефону сказали, что он вышел, собрались идти мы с Голубом. Я, а потом он, должны были спуститься до конца отвеса на –35 метрах,

затем он пристегнется ко мне, чтобы избежать лишних перестегиваний по дороге, и я буду сопровождать его на поверхность.

Оказалось, что в двухбаллоннике у меня еще 50-60 атмосфер, один начатый баллон и один полный. Этого должно было вполне хватить, во всяком случае, до заброшенного днем раньше баллона на -20 метрах со стороны входа. Когда начался спуск, оказалось, что аппарат сильно всплывает (кто-то привез семилитровые баллоны весом по шесть килограммов, а поясного ремня у меня не было). Само по себе это не мешало, но аппарат сдвигал на лоб каску, каска - маску, а маска - шлем костюма. Я сильно затекал, при попытках продуть маску получалось еще хуже и приходилось зажмуриваться, чтобы не потерять контактные линзы. Добиться, чтобы воды было меньше, чем полмаски, не удалось, я щурился и был готов к тому, что маска сползет совсем. Продувая уши и поддувая костюм, сражаясь со снаряжением, спустился до - 20 метров. В это время кончился воздух в начатом баллоне. Дососал его до упора. Не было надежды, что дальше будет легче, а при таком расходе воздуха могло не хватить даже до заброски" (*209).

Один из спасателей ушел на поверхность, второй вот-вот мог пополнить собой число терпевших аварию за сифоном.

Не решившись идти в глубину, Нор возвращается в Первый пузырь...

"Возвращение в пузырь еще более осложняло спасработы, но другого выхода не было. На всплытии, проходя мимо Голуба, показал ему сигнал на возвращение, выстегнулся, обошел, встегнулся и вышел в пузырь. Дальше быстрый разговор с Петькой:

- Где Голуб?
- Я сигнал на всплытие дал, но если он решит не возвращаться - будет лучше.
- Догоняй.
- Не с чем.
- Бери "Украину".
- А дальше что?
- Будем думать.
- А страховочный легочник?
- Твой аппарат.
- Тогда надо все-таки найти реп, иначе не пройду.

До ухода я пробовал выпросить кусок репа, чтобы привязать аппарат к поясу, но не очень настойчиво. Разговор кончился тем, что Петька сам взял "Украину" и пошел за Голубом..."

Похоже, краснорец Миненков, самый опытный из всей команды, единственный, кто сохранял адекватное восприятие происходящего и способность к четким и безошибочным действиям.

Теперь на камне Первого пузыря снова сидели двое, и один из них Виктор Яшкин.

"Витя, похоже, отключался, дремал расслабившись, потому что начал задавать всякие странные вопросы - куда делся Петька и почему он ушел один. Узнав подробности, возмущился и обиженно замолчал. Я связался по телефону с Женькой из Красноярска, рассказал о событиях, в ответ - молчание.

Потом ответ: ладно, ждем Петьку.

Затем доклад: вышел Саша, чуть позже - Петя.

Настроение совсем не боевое, по правде говоря - было тошно. Я знал, что после нас с Серегой идти в сифон уже некому, когда и с каким воздухом удастся выбраться, сколько сидеть на камешке - одному богу известно, а что будет с Витей?..

Увижу ребят и небо вместо потолка пещеры над головой - можно будет расслабиться. Пока же - только огромное напряжение".

Каково это – быть полностью зависимым от других?
Только еще ты сам мог выбирать – куда пойти, на что решиться, что предпринять.

Ты спешил на помощь другим, и вдруг – нет этого.

Ты беспомощен, как ребенок.

Тебя колотит озноб: это холод и нервы.

Все что зависит от тебя – постараться дождаться помощи.

А потом снова собрать все остатки воли и решиться на эту леденящую глубину – с головокружением и путаницей концов, с болью обжима и мраком, который не в силах пробить твои едва желтеющие фонари и с неуверенностью, что дойдешь...

"Нас спас Петька. Он сходил еще раз (я тогда ждал кого угодно, но не его) и принес мне отличный подарок – два тяжелых нержавеющих баллона по десять литров объемом и по 15 кг весом, их взяли на спасательной станции в Адлере.

Дальше все было проще. Я сдвинул груза на живот, и с погружением проблем не было. Цеплялся за ходовой, чтобы не слишком проваливаться, и быстро поддувался. Отрицательной плавучести было от 12 до 15 килограммов, 10 – от баллонов, остальное – от избыточных грузов и принятой в костюм воды. Поскольку кончились проблемы, уши тоже отпустили, нормально прошел и вышел на поверхность. Отсидел на перестежке, потом 10 минут на 6 метрах, самое неприятное – 15 минут на трех метрах, больше не смог из-за холода. Напряжение отпустило. Потом увидел впереди свет, вышел, сел у костра, закурил. Эти ощущения может понять только тот, кто оказывался в такой ситуации.

Раздеваться не стал – подождал мужиков. Когда они дошли до перестежки у бревна, отнес и предложил им кислородник. Было непонятно – берут они его или нет. Шедший впереди, видимо Петя, крутил в руках табличку декомпрессии с карандашом. На мое появление с кислородником последовала невнятная жестикуляция. Я показал рукой на его табличку – напиши, мол, чего хочешь, он в ответ показал мне свои часы. Я понял, что договориться не удастся, положил перед ним ИДА (*210) и вышел назад. (Позже узнал, что в ИДА включаются на поверхности и передают загубник изо рта, моя помощь была бесполезной). Через некоторое время появился Яшкин, чуть позже Петя высунулся и попросил баллон, досидел с ним на декомпрессии и уже окончательно вышел.

Спасработы были закончены.

Из забытых подробностей

Когда Голуб вышел на улицу, он через Женьку и меня передал Яшкину, что там "Хорошо-то как!". Мне пришлось отвечать, что Виктор непечатно ругается на весь пузырь. Сейчас уже не могу сказать – помогло нам это или нет.

Сам я просидел с Яшкиным от часа до двух, не засекал, с подводным временем – до четырех часов.

Пока сидели на камне, пробовал развлекать Яшкина разговорами и анекдотами, но он слабо реагировал, и я решил не приставать. Спросил, есть ли у него дети, и, уже спросив, понял, что в его положении вопрос может быть понят неправильно. Пришлось добавить, что "это я просто так". Вот, в основном, и все о спасработах."

Вот о чем молчал, теребя струны гитары, мой друг Витя Яшкин у дымного кавказского костра.

Да, спасатели едва не оказались в числе пострадавших. Первый в двойке, Сергей Перевалов, идя с грузом баллонов для Яшкина и Голуба, на всплытии за перегибом сифона потерял сознание – на том самом вертикальном участке, где все испытывали головокружение.

Пришел в себя на подходе к поверхности: на "автопилоте" продолжая дышать и шевелить лапами.

"Вообще весь семинар мы проходили по краю", – напишет Андрей Нор в том своем дневнике.

* * *

В 1989 году Клод Тулумджан приехал в Абхазию, чтобы поработать на Мчиште вместе с нашими парнями, но естественно, в своем снаряжении. Кто-то, не помню уже кто, рассказывал потом, что при встрече с французом в глубинах сифона сначала не понял – что за диковинное существо движется навстречу! Мощный свет галогеновых фонарей Клода разительно отличался от нашего освещения, как, впрочем, и все остальное подводное оборудование.

Пещеры поддаются мужеству, настойчивости и мастерству.

Не думаю, что наши парни уступали по этим показателям своим зарубежным коллегам.

Скорее наоборот.

Но вот по техническому оснащению...

Вот как описывал свои погружения в водах Голубого озера Йохен Хазенмайер (*211).

"Надо мной смыкается вода. Волны размывают картину старой церкви и растущих на берегу озера деревьев. Под водой я – в космической невесомости. В наступившей тишине медленно спускаюсь вдоль отвесных стен "Голубого озера" – широко известного источника на юго-востоке Швабского Альба. Передо мной 150-килограммовые "салазки" с камерой и осветительными аккумуляторами, а также винтовой скуттер "Райтторпедо". Мое дыхательное оборудование, весящее 150 кг (20 тысяч литров сжатого воздуха) находится за спиной, но в воде я в невесомости, как космонавт в космосе.

*На глубине 20 метров осторожно причаливаю к галечному склону. За моей спиной из узкой скальной щели – "Дюзы", вырывается водный поток. На этот раз, 4 ноября 1985 года, протаскать громоздкое снаряжение через это ушко внутрь горы было не очень тяжело. Из щели выходит всего 200 литров в секунду. В среднем же расход составляет 2200 литров в секунду, и тогда приходится бороться с потоком, сила которого сравнима с мощностью урагана (*212). При паводках расход воды в источнике достигает 26 тысяч литров в секунду – это самый мощный источник в Германии. О погружениях в такое время не приходится и думать.*

Лучи моего налобного фонаря скользят над высокими стенами. Ложусь на скуттер и продолжаю движение вниз, в глубину. Я хочу проникнуть еще дальше внутрь Альба и запечатлеть свой путь через уже известные и еще не пройденные объемы пещеры. По своему желанию я могу подтянуть салазки с камерой под скуттер или тянуть их за собой на выдвигающейся на расстояние до 4 метров штанге, чтобы снимать пещеру и самого себя за работой. Для этого я держу в руке панель управления, на которой, помимо прочего, смонтированы 4 светильника и выключатель.

Надеюсь, что на этот раз мне удастся достичь первого воздушного зала в длиннейшей из подводных немецких пещер".

Вот это техника!

* * *

А между тем работы на Мчиште продолжались. Через полгода после Всесоюзного семинара спелеоподводников к источнику прибывает межклубная экспедиция, ядро которой снова составляют команды Красноярска и Владика, как ласково называют столицу Дальнего Востока. Представляю коренастую, его спокойную по-красноярски спелеоподводников фигуру Петра Миненкова, он рассказывает о событиях того октября (*213).

В его воспоминаниях, как в зеркале, – все мы...

"1 октября 1988 года.

*Получилось так, что на Мчишту красноярская группа заехала первой, практически прямо с Юбилейной (*214). Мы прибыли на Чернореченское форелевое*

хозяйство, находящееся в трех километрах от магистрали Сочи-Сухуми, недалеко от Гудауты. Это хозяйство расположено на карстовом источнике с названием Мчишта – "След лады", в переводе с абхазского, но более известном под именем Черной реки.

В августе прошлого года удалось наконец-то пройти сифон и выйти на подземную реку. Январская экспедиция 1988 года увеличила длину пройденной за сифоном части до 1200 метров. И вот теперь мы рассчитываем продолжить наши исследования.

В этот же день подъехали три парня из Владивостока во главе с Рашитом, доставившие свое водолазное снаряжение. Еще трое их подводников должны были появиться завтра, и тогда все мы были бы в сборе. К вечеру удалось собрать и подключить компрессор, привезенный из Красноярска. Вернее, головку и приборный щиток прислали владивостокцы, а мы собрали все это вместе с нашим двигателем.

2 октября.

Доделывали компрессор, регулировали и настраивали легочники и редукторы. Макс Шипунов и Витя Афанасьев из Свердловска, ходившие с нами в Юбилейную, активно помогают. Макс рассчитывает сделать первые погружения – после рассказов Андрея Скачкова он решил срочно освоить спелеоподводное дело.

Выяснилось, что отсутствует соединительная трубка от компрессора к фильтру. Завтра нужно будет поискать ее в Гудауте или Адлере. Но хорошо то, что у Рашита полные баллоны. Он рассчитывает уже завтра сделать адаптационные погружения с выходом в первый пузырь, одновременно занеся туда часть груза. Практически это будет первопрохождение наиболее сложной части сифона. Я думаю, что для адаптации это многовато, учитывая то, что сифон для мужиков незнакомый. Но Рашит настроен оптимистично. Говорит, что их группа регулярно тренировалась до самого последнего времени на глубинах до 47 метров. Что ж, ему виднее – мужиков своих он знает.

У нас готовятся идти за сифон, кроме меня, Андрей Скачков и Володя Киселев. Глубин в 45 метров он, правда, не достигал, но я думаю, после адаптационных погружений освоится и в сопровождении сможет пройти сифон. Вечером мы с ним по очереди сходили до 40-метровой глубины – оба чувствовали себя не плохо.

Вечером подъехала группа владивостокцев во главе с Кохой – Николаем Авдеевым. Они были в пещере Киевская в Средней Азии. Готовились обследовать сифон на дне, но серия спасательных акций помешала этим планам. Теперь трое из них остаются на Мчиште, Остальные идут в пещеру Форельная, находящуюся над нами на Бзыбском хребте. Из знакомых здесь, кроме Кохи, – Кашля (Шура Кашлев), с которым встречались в 1984 году на Взыби. Он и Саша Горшков также готовятся идти за сифон.

3 октября.

Все разъехались – Скачков в Гудауту за трубкой для компрессора, мы с Киселевым – в Новый Афон для переговоров с директором. Этим же утром приехал Шура Бурмага – парень из нашего клуба, который теперь учится в Москве. Перед ним стоит задача фотосъемки наших работ на источнике. Я рекомендовал ему сделать в этот день тренировочное погружение метров до 40, а заодно испытать контейнер-бокс для фотоаппаратуры.

Вернувшись вечером на базу, узнаю, что во время тренировочных спусков (все ходили до глубины 42-45 метров) Сергей Ковзун заработал кессонку – профессиональное водолазное заболевание, обусловленное быстрым всплытием с глубины без остановок для декомпрессии. Он пробыл под водой 34 минуты. Толком не может сказать, сколько находился на дне, но, видимо, приличное время. Всплывал быстро, практически без остановок. После выхода чувствовал себя сначала нормально, но вскоре начались сильные боли в груди. Его быстро одели в снаряжение и закинули под воду в сопровождении Рашита. Режим всплытия выбирали, конечно, наобум, но после выхода на поверхность Сергею немного полегчало. В

сопровождении Андрея Скачкова он уехал в Кудепсту – к старым знакомым Скачкова, где тот лечился в барокамере после аналогичной истории зимой.

Атмосфера в группе в общем-то спокойная. Рашит даже считает, что это не кессонка – ведь Сергей "съел" всего два баллона воздуха. Я проверил по таблицам – если даже предположить, что Ковзун пробыл на дне минимальное время, и то он должен был сделать первую остановку уже на –9 метрах, чего, конечно, не было. В общем, повторилась зимняя история – теоретически все знают о кессонке, а практически – пренебрегают элементарными правилами всплытия. Видимо, дело в психологии людей – кессонная болезнь кажется не такой реальной, как, скажем, баротравмы. К тому же у нас почему-то считают, что с двухбаллонным аквалангом невозможно перейти временной рубеж, после которого необходимо проходить декомпрессию. Практика говорит о другом. Вообще, такое отношение настораживает. Придется, видимо, перед погружением объяснять каждому режим всплытия. Груз в первый пузырь не транспортировали – еще не упакован. Перенесли это на завтра.

4 октября.

Мы с Рашитом занимаемся компрессором. Как и должно быть на необкатанной технике – а обкатать мы его в Красноярске не успели – была куча неисправностей. Самая серьезная – большое биение шкива на валу компрессора. Сейчас уже ничего не исправить, но к зимней экспедиции нужно делать новый шкив. Пока же с горем пополам заряжать баллоны можно.

Остальные мужики пакут груз за сифон. Все у них идет как-то медленно, с бесконечными перекурами. После обеда заряжаем акваланги и потихонечку начинаем стаскивать все к сифону. Нырания наверняка затянутся до глубокой ночи, но переносить на завтра – значит, терять день".

* * *

Иногда думаю, почему так трудно работать правильно во времени?

Сколько экспедиций проходит одно и то же – длительная утренняя раскачка, поздние сборы, бесконечное доделывание недоделанного и собирание недоупакованного...

Не спеша обедаем, не торопясь перекуриваем, полегоньку приступаем к самому главному. А день уже на исходе. Все естество говорит, что идти под землю уже не надо, что лучше всего спокойно поужинать и завалиться спать.

Но... потерять день?

Мы его уже потеряли.

Мы провозились кучу времени в сонной сомнамбулической суеде, причина которой одна – отсутствие необходимого психологического настроя на грядущий спуск.

Мы знаем, что пойдем, но еще не готовы собрать в звенящий жгут свои нервы и силы.

Мы невольно оттягиваем этот момент, когда на смену ласковой осени придет леденящий холод и мрак пещеры, когда ...

Да что там!

Мы ухитряемся не найти времени для полноценной подготовки за месяцы домашней жизни.

И теперь – в драгоценные экспедиционные дни! – мы клеим, шьем, паяем на костре проводки, мотаем изолентой блоки батареек, измеряем и проверяем веревки...

В общем, делаем все что угодно, только не то, ради чего мы, собственно, приехали – не работаем в пещере.

А может быть, ради этого мы и приезжаем?

И вот солнце клонится к морю.

Мы потеряли время, но не согласны "терять день".

И мы упрямо уходим в ночь, как будто не знаем (как будто это в первый раз!), что работа после бессонного дня в уже утомленном состоянии более опасна

(их и так хватает в глубине, опасностей) и, в конечном счете, все равно потребует восстановления сил.

Но только восстанавливаться мы станем, отсыпаясь в подземных лагерях, ворую сами у себя драгоценное подземное время, скудно отмеренное великим трудом заброшенными в глубину продуктами, а главное – светом.

А может быть, и не станем – доводя себя до критической грани сверхдлинными рабочими сменами.

Способность к своевременному психологическому самонастрою – один из тончайших показателей уровня мастерства.

* * *

"Неожиданно выяснилось, что Рашит в воду не пойдет – ему нужно заклеить костюм и доделать еще кое-что по мелочам. У Киселева вскрыли панариций на пальце. Осталось нас семеро. Рашит предложил мне руководить сегодняшними погружениями. Плохо, что не знаю его мужиков, как подводников, но думаю, на месте разберемся.

Беспокоит отсутствие в сифоне телефонного провода, который мы протянули зимой. Наверху остался обрубок метра три, а в сифоне ничего не найдено. Маловероятно, что он мог собраться в клубок в нижней части сифона. Видимо, лучше будет одному пройти весь сифон до конца, проверить состояние тросовых перил и поискать провод. Вполне возможно, что, в случае обрыва перил, придется возвращаться без всплытия за сифоном, а одному без напарника это сделать будет проще.

На улице почти стемнело.

Даю последние указания мужикам, чтобы к моему возвращению были готовы, и начинаю погружение. У меня за спиной четырехбаллонный акваланг, к которому привязан еще мешок с консервами, чтобы не ходить порожнему.

Ориентируюсь по тросу, который оставляю слева от себя. Планирую вниз с камня на камень по крупноглыбовой осыпи. Глубина набирается быстро, начинаю чувствовать обжим. Для компенсации все увеличивающейся отрицательной плавучести (*215) поддуваю воздух в костюм. Сразу возрастает свобода движений, появляется чувство невесомости. Внимательно слежу за состоянием троса – хотя он довольно толстый, 6 миллиметров, но лежит в воде уже три года. Расходую воздух из однобаллонного аппарата, который взял с собой с поверхности и держу сейчас в руке. На глубине –22 метра я оставляю его и переключаюсь на основной аппарат. Это позволит сэкономить запас воздуха и одновременно оставить резерв на возвращение.

С глубины – 20 метров крупные глыбы сменяются полого уходящим вниз галечным дном. Я пристегиваю баллон к тросу и включаюсь в основной аппарат. Проверяю оба легочных автомата – работают нормально. Работая ластами, продолжаю набирать глубину. Трос удаляется от левой стены, и она пропадает из поля зрения. Видимо, в воде взвешены мельчайшие частички известняка, и видимость сейчас составляет не более полутора метров.

Правая стена хода исчезла сразу же при входе в сифон, и единственным ориентиром сейчас служит уходящее вниз галечное дно. Глубиномер показывает уже – 40 метров, вскоре должен быть перегиб сифона. Начинаю ощущать признаки глубинного опьянения – мысли в голове замедляются, приходится усилием воли концентрировать свое внимание на путеводной нити – тросовых перилах. Вот уже кончился галечник, началось песчаное дно. Глубина в этом месте –45 метров. Физически чувствую поток воздуха, поступающего через загубник – ведь его плотность почти в шесть раз больше, чем у того, которым мы дышим на поверхности. На дне валяются обрывки старого провода. Стараясь не запутаться в них, прохожу этот участок без задержек.

Вот и начало подъема. Песчаное дно плавно уходит вверх. Стен и свода по-прежнему не видно. Помогая себе руками, начинаю всплывать. Необходимо быстрее пересечь тридцатиметровую отметку глубины, чтобы не выйти на длительный режим

декомпрессии. С глубины -25 метров трос отрывается от грунта и уводит меня круто вверх. Чувствую, как расширяющийся под костюмом воздух стремится выбросить меня к своду сифона. Нажимаю стравливающий клапан костюма, но он не успевает сбрасывать лишний воздух. Поднимаю лицо и воздух с шумом вырывается из-под шлема. На глубине -6 метров делаю двухминутную остановку, затем еще 6 минут – на глубине -3 метра. По сифону я шел довольно быстро, и, согласно декомпрессионным таблицам, остановки для декомпрессии мне не нужны, но для профилактики решаю все же их сделать.

Но вот, наконец, и зеркало воды первого пузыря. Он представляет собой грот округлой формы до 10 метров в поперечнике, в котором мы с Володией Грицихиным из Ростова всплыли впервые в 1986 году. Держаться приходится только на плаву – стены грота обрываются круто в воду, не образуя дна. Трос закреплен за скальный выступ. За него же заведен толстый провод, играющий роль следующих перил. По нему выхожу во второй пузырь. Этот участок сифона, глубиной 7 метров и длиной 55 метров, сложностей не представляет. Заключительный этап длиной 110 метров, приводящий из второго пузыря за сифон, также прохожу без проблем.

Сняв акваланг и ласты, вытаскиваю мешок с консервами из воды – по крутому склону вверх, к началу горизонтальной части галереи. Здесь нахожу наше снаряжение, оставленное в январе, а также уходящий в воду телефонный провод, который мы не могли отыскать на входе в сифон. Начинаю его выбирать и в итоге вытаскиваю на берег весь. Теперь нам предстоит вновь перетянуть его через сифон, но это – задача дальнейших погружений.

Тогда я и не предполагал, что через пару часов разыграется трагедия, после которой все последующие дни мы будем решать совсем другие проблемы".

Если бы мы знали, что лежит в конце пути – решились бы мы ступить на тропу?

"Пока же я проверил индикаторы подъема уровня воды в сифоне – попросту пустые консервные банки, еще в январе расставленные на разных уровнях. Они оказались заполненными водой до отметки +7-8 метров. Значит, с января пещера за сифоном полностью не затапливалась, и возможность этого маловероятна.

Стараюсь пробыть на берегу хотя бы минут 45, чтобы сократить время декомпрессии при возвращении.

Обратный путь проделываю без приключений. На перестежках в нижней части подтянул репшнур на тросу, чтобы можно было проходить в стороне от обрывков старого провода, не цепляясь за них. При всплытии сделал декомпрессионные остановки на -6 и -3 метрах и вышел наверх.

Там уже готовились к погружению два Шуры – Бурмага из Красноярска и Кашлев из Владивостока. Время позднее – уже стемнело. Но решаю не откладывать заброску груза на завтра, чтобы не терять день – их уже осталось не так много.

Следом за первой двойкой идут Андрей Нор и Коля Авдеев – Коха. Все несут по одному мешку груза. Первая двойка дожидается вторую в пузыре – подстрахует ее, а заодно пройдут декомпрессию. После этого в такой же последовательности они возвращаются обратно.

На деле же получилось иначе. Когда Бурмага с Кашлей всплыли в пузыре, Кашля пожаловался, что затек, и ему нужно срочно вернуться. Ждать вторую двойку в пузыре он не мог, так как начал здорово мерзнуть. Бурмага не мог пойти сейчас с ним, так как ему нужно было переставить редуктор с одного баллона акваланга на другой. Он заметил, как Кашля пристегнул карабин на трос и начал погружаться. После этого живым его больше не видели.

А в это время наверху заканчивала подготовку вторая пара спелеоподводников. Сборы их затянулись, к тому же у Андрея возникли проблемы с грузом. Ему досталась база – спальник с надувными матрацами, и утопить их, конечно, было непросто. Наконец, со второй попытки им удалось погрузиться в сифон.

Минут через 5 мы услышали шум пузырей воздуха, выходящего из-под воды. Видимо, первая двойка проходит декомпрессию и скоро выйдет, решили мы. Действительно, минут через 8 показался Шура Бурмага.

Выяснив, что Кашля пошел назад первым, я понял, что случилось непоправимое. Мгновенно накатило оцепенение от сознания бессилия что-либо поправить. Сразу вспомнился ноябрь 1987 года и случай у нас а Орешке (*216). Тогда было такое же состояние внутренней опустошенности.

Остальные, собравшиеся у сифонного озера, молчали, хотя, я думаю, понимали, что случилось.

Выяснилось, что при всплытии Шура на 20-метровой глубине встретил двух человек, идущих вниз. Может, там было не двое, а трое, и Шура просто просчитался?

Лихорадочно работающая мысль подсказывает варианты спасения Кашли. Человеческой натуре свойственно надеяться на лучший исход даже при самых минимальных шансах. Может быть, Кашля вернулся в пузырь из-за неисправности аппарата или просто перепутал направление движения, а Шура, при своей близорукости, его не заметил?

Мне или Шуру рискованно идти в сифон, ведь это будет уже третье погружение. Решаю послать в сифон Сашу Горшкова, который уже был готов к погружению. Надев четырехбаллонник, Горшков уходит в сифон.

Потянулись минуты томительного ожидания. Обсуждаем возможные варианты спасения Кашли – он мог потерять сознание и, заблудившись в подводном коридоре, всплыть под свод, оказавшись в каком-нибудь подводном пузыре. Мог, ориентируясь по общему подъему дна сифона, выйти во второй пузырь или вообще в засифонную галерею.

Минут через 40 мы услышали долгожданные звуки поднимающихся на поверхность пузырей воздуха, а вскоре показался Андрей Нор. Его била крупная дрожь, руки ходили ходуном. Я пытался выяснить у него, видели ли они Кашлю, но его занимала совсем другая мысль:

– Плохо дело, мужики, – Кохи нет... – вдруг услышали мы от него.

Подробностей почти никаких не удалось выяснить – у Андрея зуб на зуб не попадал".

Что у тебя случилось, Андрей?

"Предстоящий выход не виделся таким фантастически сложным, как раньше, я даже предлагал (и Андрей Скачков со мной вполне соглашался) относить груз не в пузырь, а к месту предстоящей базы, то есть за третий сифон и возможно дальше по ходу.

Мудрый Петя сказал на это – надо еще до первого пузыря дойти...

Свое затекание на адаптации (*217) я относил за счет неплотной жгутовки и маленькой шапочки, так как дырку сразу не нашел. Зажгутовался получше, но, сев в воду, опять почувствовал струйку. Мой отказ от спуска сдвигал (или грозил сдвинуть) общий график на сутки, а суток в нашем распоряжении было не так много, поэтому решил перебороть-перебиться.

Итак, я решил, что перебьюсь, но день из графика не украду.

Транспортник, как самому последнему, мне достался самый здоровый – комплект базового лагеря в гермомешке. При упаковке Петька советовал герметизировать только спальник, но мы не прониклись. В мешок натолкали камней до слабой положительной плавучести на поверхности. Сам я тоже взял пару лишних грузов, чтобы утопить будущий мешок.

Где-то на -5 метрах он уже ничего не весил, на -10 лег камнем на дно, глубже стал еще тяжелее. Я тащил его по уступам волоком, спускал на Коху камни и старался их остановить, но, как выяснилось, не всегда удачно. Казалось, что все камни поймал, но позже Коха жаловался, что они до него доходили.

На двадцати метрах встретились и разошлись с одним из первой двойки. Стало ясно, что он не дождался нас за сифоном.

После тридцати метров у меня начались проблемы с правым ухом. Я уже привык, что верхние 20 метров могу проходить с любой скоростью, а после 30 продуваюсь с трудом. Раньше думал, что "так не бывает", но позже Сергей Ковзун сказал, что у него так же, а еще позже я прочитал об этом у Жака Майоля. Скорее всего, это от психологического стресса. В таких случаях я обычно останавливаюсь и расслабляюсь, рассматриваю всякую мелочь на грунте – это помогает. Тут останавливался и залегал несколько раз – не помогало. Наконец, на глубине около 40 метров увидел рачка, стал его разглядывать и услышал долгожданный писк в ухе (*218).

Дошел до репа, там начались новые неприятности – сильное головокружение. Возможность поддува в гидрокостюме для увеличения плавучести была невелика – стравливающий клапан слишком хорошо работал, и пришлось топтать по дну как в трехболтовке (*219). Встегнулся в реп для обхода борода, по краю борода протащил свой мешок, как каторжник – ядро, перестегнулся на трос и начал подъем к пузырю. Поскольку спешил и подтягивался по тросу, вытянул его на себя и перестежку увидел в виде длинной петли. Пришлось сосредоточиваться и разбираться.

Вообще, чтобы меньше сидеть на декомпрессии и меньше расходовать воздух на максимальной глубине, я не смотрел на приборы, наплевал на головокружение. Знал, что дальше будет легче, и спешил туда.

Перед обходящим бороду репом на манометре оставалось 100 атмосфер – много воздуха ушло на возню с грузом и на остановки для продувки ушей. Добравшись до 35 метров с той стороны, посмотрел на манометр, оставалось меньше 30 атмосфер (*220).

Переключился на второй аппарат, но тут-то и поджидало самое интересное – второй легочник давал очень мало воздуха! Думаю, что с ним и спокойно сидеть на месте было бы невозможно, я же изрядно запыхался при быстром прохождении с тяжелым грузом и испытывал как бы некоторый "дефицит дыхания".

Вернулся на первый легочник, кое-то еще расстояние прошел с ним. Очень не хотелось бросать груз, но сделал это не задумываясь: положил его на грунт и рванул вверх.

На подъеме обошел Коху, встегнулся в трос (это подчеркиваю – было плохо, тоскливо, хотелось жить, но паники не было; я знал, что выстегиваться нельзя ни в коем случае, и хоть как-то, но контролировал ситуацию) и вылетел на поверхность.

В пузыре отдыхался с трудом. До камня, на котором раньше сидели, дотянуться не удалось. Петька после разведки сказал, что вылезти на камень нельзя и груз надо подвешивать, мы и не пытались вылезать. От затекания еще больше увеличилась отрицательная плавучесть, подтягивался по тросу, вдыхал, отдыхал, повиснув в воде. Гораздо позже, когда уже вышел с декомпрессией Коха, удалось оседлать один транспортник, но откидывало на спину и приходилось сильно работать ластами. В общем, это был не отдых, а работа – надо было быстрее уходить.

Вслушивался в себя, насколько мог, внимательно, искал кожный зуд и боли в суставах – все было нормально. Старался больше думать, но это, видимо, плохо удавалось, так как, когда вышел Коха (я знал, что он первый раз за сифоном и, помня свои прошлогодние впечатления, хотел его постепенно подготовить), не нашел ничего лучшего, как сказать что-то примерно следующее: "Коха, ты вышел? Слышишь меня? Брось загубник, Коха, плохо дело..."

Ругал себя за такую "подготовку", но было поздно – Коха всерьез испугался, никак не хотел отпускать загубник, тратил воздух и вряд ли хорошо меня понимал (позже на разборе он говорил, как это было сурово, и даже сказал, что нырять со мной больше не станет. Я получил то, что заработал).

Сам я тоже не был хорошим рассказчиком, не уверен, что меня вообще можно было сразу понять. В конце концов, все-таки обрисовал ситуацию, спросил – куда делся еще один человек из первой двойки – может быть, Коха его видел? Коха ответил, что нет.

К своим неприятностям добавилась тревога.

Безобразно вел себя мой аппарат – по моей же вине. Когда все собирали аппараты, мне не хватило правой нижней пряжки, поставил просто кольцо и завязал лямку на два штыка. После всей суеты и возни узел развязался. До Кохиного прихода пробовал заплести что-то за спиной одной рукой, но не удалось, попросил Коху.

Отдыха в пузыре не было, решили уходить. Сказал Кохе, чтобы он держался вплотную ко мне, поскольку у меня один легочник. Попробовал уйти, но быстро понял, что с таким легочником не пройду, и, вернувшись с пяти метров, с Кохиной помощью переставил исправный легочник на полные баллоны.

В это время из сифона появился Горшков, сказал, что на поверхность не вышел Кашля, и его отправили на поиски. Втроем на одном тросе болтаться, подтягиваясь, стало окончательно противно, и я двинул на выход. Спешил и думал о себе больше, чем о Кохе – не было никаких сомнений в том, что он идет сзади и подстраховывает. Выход прошел нормально, с сильным головокружением и большой отрицательной плавучестью, с единственным аппаратом без манометра, но без прямой угрозы.

Головокружение прекратилось в тот момент, когда я прошел реп и увидел галечное дно. Едва в поле зрения появился ориентир, головокружение тут же исчезло.

На –6 метрах сделал остановку на 2 минуты. Оглядывался, искал и ждал Коху, не мог понять – что с ним? Погасил оба света и всматривался вниз – ни черта. Сколько-то еще просидел на –3 метрах, минут 6–10 – не помню, очень затек, появилась зверская дрожь, лихорадочное глубокое дыхание, которое никак не удавалось успокоить. Вглядываясь вниз, вышел. Спросил про Кашлю – до этого как-то не понял, не проникся, надеялся на что-то. Сказал про Коху, но тут уже показался свет сзади, пузыри, а через некоторое время появились Коха и Горшков. Не вышел только Кашля, но с ним явно случилось что-то серьезное.

Оставалось два аппарата, с одним из них Петя отправил в пузырь Рашита. Дядька (*221) как мог смотрел по сторонам, на обратном пути влез на край бороды и пошарил руками, вода была уже совсем мутная. Видимость вообще была меньше, чем зимой, а тут еще мы сильно намутили.

Последний аппарат – резервный, нырять уже практически некому, то есть, разумеется, есть кому, но это было бы уже второе погружение, да еще стресс...

На часах около двух ночи, в принципе, можно бы часов до четырех утра забить аппараты и продолжить поиски любой ценой. Я думал, что так и будет, но Петька скомандовал отбой до завтра. Было тяжело уходить от сифона, когда оставался еще пусть очень малый, но шанс, что Кашля сидит в каком-нибудь пузыре и ждет помощи. Собственно, когда попадаешь в беду, не сомневаешься: друзья сделают все, что будет в их силах. А тут мы уходили...

Гораздо позже я понял, что Петька был абсолютно прав, что он отвечал за каждого из нас не меньше, чем за Кашлю. Сейчас представляю, чего ему это решение стоило, но тогда хотел даже ляпнуть на тему "как же так?" Успел понять, что обсуждать сейчас это решение нельзя. В общем, промолчал. Остальные тоже промолчали, хотя уверен, что многих посещали те же мысли, что и меня.

Петька – это Петька..."

* * *

Вчитываюсь в предельно откровенные беспощадные к себе строчки дневников, написанных "для себя", а потом все же опубликованные, проникаюсь еще большим уважением к парням.

Бесценны для последователей крупницы опыта шедших по краю.

С тем, чтобы знать, "как оно". И не повторить, если удастся.

Отложить поисковые работы, когда нет полной уверенности, что уже поздно – это риск.

И цена его по самому высокому счету.

Да, Миненков принял трудное решение.

Что стоило сделать этот выбор, может сказать только он сам:

"Андрей кое-как отошел. Но тут вновь показались пузыри воздуха, и вскоре вышли Коха с Шурой Горшковым, они просто задержались в первом пузыре. Кашлю они нигде не видели. Только Шуре при прохождении в пузырь показалось, что на дне у перегиба были видны клубы свежей мути в воде, справа по ходу. Но здесь у него появились признаки глубинного опьянения, и он вынужден был срочно всплыть.

В это время уже одевался Рашит – я предложил ему сходить до первого пузыря, еще раз поискать Кашлю. Минут через 40 Рашит вернулся – как и предполагалось, он ничего нового не обнаружил.

Прокачиваю всю ситуацию еще раз. У Кашли единственный шанс выжить – попасть в один из воздушных пузырей, которые могут быть за перегибом, или выйти за сифон. За сифоном ему ничего не угрожает – он спокойно может ждать нас день или два. В воздушном пузыре выжить сложнее, особенно если держаться там придется на плаву, поэтому помощь должна быть оказана быстро.

Запас воздуха для этого еще есть, но:

- сейчас уже глубокая ночь, времени – 1 час, все устали и голодны;
- все имеют уже по два погружения до –45 метров, и дальнейшее продолжение спасработ может вызвать заболевание кессонкой;
- необходимо проанализировать ситуацию, определить, кто из подводников может участвовать в спасательных работах. Как оказалось, не все готовы к работе на таких глубинах.

Принимаю решение прекратить на сегодня все погружения и идти отдыхать.

По всеобщему молчанию чувствуется, что большинство против этого и готово продолжить спасательные работы, но мы больше не можем рисковать. Серега Перевалов остался у компрессора заряжать баллоны, все остальные – спать.

Утром следующего дня в сифон пошли я, Рашит, Шура Бурмага и Саша Горшков. Вчерашние погружения показали, что больше никто достаточно уверенно работать в сифоне не может. Наша задача – выйти в первый пузырь и у него провести поиск гипотетически существующих воздушных пузырей, в которых мог спастись Кашля. Оба Шурика несут по запасному четырехбаллоннику. Мы с Рашитом еще раз обследуем наш путь – он справа от перил, а я слева. Для увеличения радиуса действия мы взяли по 8-метровому куску веревки.

Первым пошел Рашит. Выждав минут 10, начинаю погружение. Быстро набрал глубину –35 метров. Здесь пристегнул свою веревку на скользящий карабин и пошел влево-вниз. Метров через пять увидел стену и дальше пошел вниз вдоль нее. На 40–42 метрах галечник кончился, попадают отдельно лежащие камни. Вот и начало подъема. Выхожу к перильной веревке и перестегиваю свой карабин через узел. Вновь продолжаю обследование нижней части, постепенно всплывая вверх. Не обнаруживаю никаких следов Кашли.

Натыкаюсь на мешок с базой, брошенный Нором. Беру его и начинаю тащить вверх. Через 5–7 метров чувствую, что сбивается ритм дыхания – мешок страшно тяжелый, придется рывками подтягивать его вверх по склону. Решаю действовать по-другому – цепляю мешок к концу 8-метровой веревки и всплываю по тросу вверх, разматывая ее за собой.

Почувствовав натяжение, подтягиваюсь вверх по тросу на руках, помогая работой ласт. Всплываю в пузырь. Рашит уже там, ждет нас. Его поиски также ничего не дали.

Решаем сразу проверить версию нахождения Кашли за сифоном. Я цепляю свой мешок к петле на тросу и ухожу по проводу во второй пузырь и далее – за сифон. Никаких следов пребывания Кашли. Когда возвратился в первый пузырь, там уже были оба Шуры.

Поиск начал Рашит. Обследовав правый участок свода, он не обнаружил никаких пузырей и вернулся к нам. Вторым пошел Бурмага – обследовал левую часть свода. Ему удалось обнаружить цепь пузырей общей длиной 40 метров, но Кашли там не было.

По времени уже наступал вечер, решили возвращаться. Выйдя из сифона, встретили Андрюху Скачкова с Сергеем Ковзуном – вернулись из барокамеры Кудепсты. Серега прошел лечение по третьему режиму, и теперь с ним все вроде бы нормально.

Наступил третий день поисков. Надежды на благополучный исход уже нет, хотя у меня ее, честно говоря, и не было – прошло много времени, и если даже Кашля находится на плаву в каком-либо пузыре, то уже замерз.

Пошли ребята двойками: я с Андреем Скачковым и два Шурика. Каждая двойка взяла с собой по 25-метровому куску веревки. Схема работы простая – один остается на перилах, напарник начинает обследовать дно сифона. Заранее рассчитали временной график работы по глубинам, режимы декомпрессии для разных вариантов. Написали их на таблички, которые берем с собой.

Страхующие – Скачков и Горшков – находятся на глубине –40 метров и посредством веревки держат связь с напарниками. Я обследую дно сифона за перегибом, Бурмага – перед перегибом.

С Андрюхой сработали четко. Я подождал перед перестежками, пока он выйдет на исходную позицию, и пошел вправо. Упершись в стену хода, проследил ее до 32-метровой глубины. Стена очень кривая, много ниш – из-за плохой видимости приходится в каждую из них залазить. Неожиданно стена исчезла, и песчаное дно круто пошло вправо-вниз. Спустился по нему до –36 метров: видимо, это продолжение сифона.

По времени пора начинать всплытие, иначе на длительную декомпрессию может не хватить воздуха. Подошел к Андрею, начали подниматься. Отсидев 6 минут на –6 метрах и 16 минут на –3 метрах, вышли в пузырь.

Перед возвращением желательно подольше побыть на поверхности – в этом случае значительно сокращается время, необходимое для декомпрессии.

Решаем попутно отснять сухой ход от второго пузыря, который был пройден еще в августе 1987 года.

Через пару часов, закончив топографические работы, начинаем возвращение. Запас воздуха в наших аппаратах остался небольшой, поэтому мы используем четырехбаллонники, занесенные вчера. Привязываем поверх них свои аппараты и начинаем погружение. Спуск вначале идет по тросу, почти вертикально уходящему вниз. Висим на этом участке в пустоте, не видя ни стен, ни дна, ни свода. На глубине –25 метров появляется песчаный склон, по которому продолжаем спуск. Проходим перестежки на перегибе дна и начинаем всплытие. На глубине –20 метров находим однобаллонные аппараты, которыми мы пользовались при спуске – этот прием позволяет сэкономить воздух в основном аппарате.

Начинаю отстегивать баллоны от перил, и тут случается непредвиденное. Андрюха, решивший помочь мне сверху, наклоняется надо мной, манометр на шланге его аппарата попадает между вентилями моего аппарата и наглухо заклинивается там. Андрей, не поняв, что произошло, начинает рваться вверх, топча меня ногами, но после того, как я помахал у него перед маской кулаком, успокоился и затих.

Так, сцепившись аппаратами, мы и всплывали до 6-метровой глубины, так как освободиться мне не удалось. Здесь у нас должна быть первая ступень декомпрессии. Я уже хотел снять аппарат и расцепиться, как почувствовал, что Скачков тащит меня наверх. Едва успев выскочить из лямок аппарата, включаюсь в однобаллонник. Подумал, не потерял бы он по дороге мой аппарат.

Правда, через некоторое время Андрей вернулся и убедился, что у меня все в порядке.

Благополучно отсидев на трехметровой ступени, мы всплыли наверх. Оказывается, там был небольшой переполох – Коха и Скачков не нашли меня под аппаратом, который тот вынес на поверхность, и немного переволновались – все ли у меня в порядке.

Поиски Шуры Бурмаги и Горшкова были безрезультатны – они надели слишком мало грузов, и состояние было нерабочее – все время выбрасывало наверх. К тому же Шура Горшков порвал ухо.

Решаем продолжить поиски завтра.

7 октября.

День Конституции. У всех праздник, нам же необходимо продолжить свою тяжелую физически, а еще более – морально – работу. Вчера Киселев с Рашитом ходили в дирекцию фореелевого хозяйства с известием о несчастье. Там восприняли все с пониманием и предлагали любую помощь.

Написали заявление в прокуратуру Гудауты. Пришел следователь, осмотрел место происшествия. Ситуацию понял, тем более, что занимался уже ЧП у спелеологов Крьма, которые работали этим летом на Бзыби. Связались с воинской частью в Гудауте – договорились насчет зарядки баллонов воздухом, так как наш компрессор к тому времени вышел из строя, не выдержав нагрузок – сломался колен вал.

Сегодня решаем продолжить поиски в паре с Андреем Скачковым – на остальных не хватает оставшегося воздуха. Собираем с ним два шестибаллонника. Аппараты, весящие более 60 кг, становятся неподъемными, надевать их можно лишь в воде. Искать будем от перегиба на выход – посмотрим ту часть, которую вчера не удалось обследовать двум Шурикам.

Техника работы прежняя. Андрей остановился на глубине -42 метра и начал выдавать мне веревку. Я обследую ход по всей ширине, начиная с нижней точки.

К этому времени, получив в предыдущих выходах хорошую адаптацию к таким глубинам, чувствую себя свободно. Осматриваю навалы камней внизу, затем решаю всплывать, ходя галсами по всей ширине хода. Прошел пару раз, постепенно всплывая. Андрюха, по необходимости собирая или выдавая мне веревку, тоже понемногу всплывает, держа между нами дистанцию. От него во многом зависит эффективность нашей работы – он должен четко контролировать связующую нас веревку, чтобы мое внимание было целиком посвящено работе. Но проблем у нас не возникает. Вообще, сегодня работаете гораздо спокойнее – кроме нас, в сифоне никого нет, и ты не думаешь, все ли у них там в порядке.

Вот глубиномер показал уже -30 метров. Я подошел к тросовым перилам и решаю обследовать участок между ними и левой стеной. Буквально через несколько метров вижу Кашлю – он лежит ногами ко мне, хорошо видны черные ласты "Акванавт". Фонарь на маске еще слабо горит. Хорошо видно лицо – закрытые глаза. Маска совершенно чистая, без воды. На губах – пена, загубника во рту нет.

Неожиданно для себя чувствую облегчение – наконец-то нашли, хотя в этом громадном сифоне была большая вероятность не обнаружить тела вообще, по крайней мере, в этот раз.

Развернул Кашлю головой в сторону выхода, взял за аппарат и протащил несколько метров по галечнику. Чувствую, что у него большая отрицательная плавучесть – тащить тяжело, быстро выдохнусь. Отцепил от себя поисковый репшнур, пристегнул его карабин за акваланг Кашли. Дал Андрюхе три сигнала – не ответил. После повторения серии он подошел ко мне. Дал ему в руки реп и показал наверх, он понял правильно и стал надо мной выбирать шнур наверх. Я за аппарат поправлял тело.

Подняв Кашлю до глубины -20 метров, понял, что так мы израсходуем весь воздух – не хватит на декомпрессию. А ее уже набегало 45 минут, согласно таблицам.

Решил выходить наверх – основное мы сделали, остальное доделают другие. Закрепили репшнур на трос и начали декомпрессию с 12-метровой отметки. Через 45 минут вышли, пробыв под водой без малого два часа.

Хотя мы и ожидали этого все эти дни, все же известие явилось неожиданностью. К спуску стали готовиться Бурмага с Кохой. Получив последние

инструкции, они ушли под воду, выбирая за собой веревку. Дойдя до репшнура, который мы оставили на перилах, Бурмага сцепил его со своей веревкой и дал сигнал наверх. После этого мы начали постепенно выбирать веревку, а Шура с Кохой поправляли тело Кашли в воде, чтобы оно не застревало. Минут через пять они показались на поверхности.

Киселев начал фотосъемку, к которой приготовился заранее – не знаю, может быть, так и надо, но мне показалось, что здесь это неуместно.

Сняли с Кашли акваланг, груза, ласты. Я вынес аппарат наверх для проверки. Акваланг собран из четырех баллонов, спаренных между собой по два. Вентили все открыты полностью. Легочник на одном двухбаллоннике не подает воздух вообще. Замерил давление в этих баллонах – абсолютно пустые. Легочник на втором двухбаллоннике работает нормально. Проверил его на герметичность – все исправно. Манометр показывает 180 атмосфер – похоже, что Кашля вообще им не пользовался.

Позже в морге выяснилось, еще две детали – на теле отпечатались рубцы от одежды, что происходит вследствие сильного обжата. Белье все было мокрое. Конечно, он мог затечь за те 2,5 суток, что лежал в сифоне, но, похоже, что потек он сразу при входе в сифон. Выйдя в пузырь и окончательно замерзнув, Кашлев пошел назад. Положение его – и так тяжелое из-за переохлаждения – усугубилось сильным обжимом. Видимо, он не смог поддуться в костюм или вообще не владел этим техническим приемом. Преодолев все-таки самый глубокий участок, Кашлев вышел на отметку глубины –30 метров, и тут у него кончился воздух в одном двухбаллоннике.

Ситуацию осложнило то, что резервный легочник был на коротком шланге и находился где-то в районе правого плеча Кашли, а, может быть, и чуть дальше, за пределами видимости через маску, то есть Кашля искал его на ощупь. Из-за сильного обжима движения его были ограничены, и он, видимо, просто не смог нащупать загубник.

Агония длилась недолго, но достаточно для того, чтобы Кашля оказался в трех метрах от троса. Почему он не пристегнул карабин на перила – не ясно, но вероятнее всего, ему было не до этого – в голове стучала только одна мысль: ...быстрей наверх, только бы избавиться от этого кошмарного состояния!..

Это и затруднило поиски тела, так как даже с мощным светом видимость в воде не превышала полутора метров.

Назавтра Андрей Скачков с Костей Кожемякиным сделали заключительное погружение. На глубине 30 метров к тросу они прикрепили букетик цветов".

Мчишта потребовала расплаты по вексялям.

1988 год был тяжелым годом для советского кейвинга

* * *

Пятью годами ранее...

Мы уже упоминали о длиннейшей из известных в то время подводной пещере Коклебидди в Австралии. Французская экспедиция "Нулларбор-83" под руководством Франсиса Ле Гана добилась в ней потрясающих результатов.

Коклебидди – этот гигантский заполненный соленой водой подземный коридор – трудно поддается воображению.

Первый ее сифон имеет протяженность 1000 (!) метров, после чего следует открытая обводненная галерея, небольшой сифон (который при таких масштабах и за сифон-то не считают) и сухой участок – все это общей протяженностью около 500 метров.

Далее второй сифон, более чем вдвое превышающий протяженностью первый – 2550 метров! Попробуйте просто проплыть такое расстояние по открытой воде – не то что в сифоне! Подводная галерея повышается, переходит в подземный зал протяженностью 400 метров, и... снова сифон.

Вот несколько строчек из отчета Ле Гана (*222).

"27 августа: Эрик и Жером совершают ознакомительное погружение продолжительностью 12 часов на 1500 метров от входа.

Характер породы не позволяет забивать крючья. Поэтому нам не удалось повесить гамаки в Первом зале за первым сифоном и организовать в нем троллей для транспортировки снаряжения. Все аппараты придется разбирать по частям, перетаскивать через глыбы и снова собирать перед вторым сифоном. Эту же операцию надо проделывать во Втором зале в 3500 метрах от входа, а длина зала – 400 метров.

Эти непредвиденные обстоятельства сильно затянут выходы.

30 августа: первый штурмовой выход. Вероника и Сильвия несут контейнеры с продуктами и питьем в Первый зал – время погружения – 1 час. Через 30 минут их догоняют Эрик и Френсис, плывущие со скуттерами. На доставку снаряжения за глыбовый завал Первого зала у них уходит 10 часов. В то время, как девушки возвращаются обратно, мужчины погружаются во второй сифон и проходят его 2550 метров за 1 час 50 минут, оставив по пути в 2 километрах от начала сифона 4 аварийных баллона.

Короткий 3-часовой отдых во Втором зале и затем – переноска к третьему сифону снаряжения, необходимого для одиночного погружения в этот неизведанный пока сифон.

Погружение Эрика в этот сифон длится 3 часа 30 минут, из которых 30 минут – декомпрессия. Он протянул шнур на 1460 метров на глубине –18 метров. Насколько мне известно – это самый продолжительный штурмовой выход. К сожалению, галерея идет, непрерывно сужаясь.

Возвращение проходит в том же порядке, и мы встречаемся с Жеромом, который ждет в Первом зале с аварийным скафандром и снаряжением.

Выход из пещеры – 1 сентября, через 39 часов с начала работы.

14 сентября: Мы решаем повторить попытку. Та же схема прохождения. На случай отказа скуттеров мы оставляем еще 2 баллона во втором сифоне и имеем 4 дополнительных баллона на третий сифон. Кроме 2000 метров шнура, я уношу в этот сифон 20 кубических метров воздуха.

Первая тысяча метров в третьем сифоне. Здесь несколько уже, чем во втором сифоне, но все еще достаточно комфортно: 8 метров в высоту, 15 метров в ширину. Но, начиная с этого места, размеры постепенно уменьшаются и, в конце концов, я дохожу до узости, перед которой приходится оставить часть снаряжения.

Прохожу еще 90 метров по извилистому ходу, максимальные размеры которого 1 х 2 метра и, наконец, останавливаюсь перед последней узостью, которую оцениваю как непроходимую. Поскольку у меня еще более чем на 2 часа запаса автономного плавания, я в безысходности обследую все ответвления. Это добавляет еще метров 80 длины, но продолжения нет.

На обратном пути нахожу еще одно 60-метровое ответвление во втором сифоне, заканчивающееся узостью.

Общая протяженность пещеры составила, таким образом, 6090 метров, из которых 5540 метров под водой.

Выход продолжался 47 часов, из которых 3 часа ушло на сон во Втором зале. Общее расстояние, пройденное под водой 10,220 километра в сумме туда и обратно по основному ходу – представляет на сегодня новый мировой рекорд для погружения в сифонах" (*223).

* * *

Бесспорно, у наших западных коллег в вопросах экипировки и общей культуры работы в сифонах уровень был значительно выше. Но если у кого-нибудь сложилось впечатление, что зарубежные подводники чуть ли ни застрахованы от случайностей

или не применяют рискованных способов прохождения сифонов – это далеко от истины.

Конечно, снаряжению французов, да и не только, можно позавидовать. Группа Ле Гана, например, использовала 2 подводных скуттера-буксировщика с 6-часовым запасом хода каждый при скорости движения под водой 27 метров минуту.

Скуттеры-буксировщики – серьезный прогресс в технике спелеоподводных исследований, при условии, что в необходимые точки сифона своевременно забрасываются аварийные баллоны, которые позволят вернуться в случае отказа скуттера.

В качестве освещения каждый подводник имел 4 галогеновых прожектора мощностью 100, 50 и два по 20 ватт с двухчасовым ресурсом каждый и по 4 фонаря в несколько ватт мощностью с ресурсом в 8 часов работы.

Известно – в кейвинге свет определяет половину успеха, тем более, под водой. Все аккумуляторы развешивались вокруг туловища и заменяли свинцовые грузы.

Баллоны аквалангов были изготовлены из стекловолокна и позволяли закачку воздуха ("забивку", как говорят подводники) до давления в 400 атмосфер. Обычно французы погружались с комплектом из трех 20-ти плюс двух 6-литровых баллонов на спине и двух: 6-ти и 15-литрового, баллонов на груди.

Разительное отличие по ресурсам от 7-литровых по 150-200 атмосферных баллонов наших "трюльников" и "четвертюльников"!

Что же касается риска, наши коллеги – парни не менее отчаянные. Остановившую Френсиса Ле Гана узость в конце третьего сифона атаковал австралиец Хью Моррисон. Причем сделал это весьма рискованным образом.

Ле Ган однозначно определил свое отношение к этому:

"...Хью удалось преодолеть остановившую меня конечную узость третьего сифона и пройти еще 240 метров способом, который я осуждаю и который не должен входить в практику: Моррисон двигался, толкая перед собой всего один баллон, к тому же наполовину пустой – двухбаллонный аппарат не проходил по объему. Его спутники, дожидавшиеся у входа в узость, потом рассказывали, что, слегка задержавшись на обратном пути из-за поднявшейся мути, Моррисон вышел из узости на последних глотках воздуха. Но как бы то ни было – это подвиг!"

Трудно не присоединиться к мнению выдающегося подводника.

Остается только прибавить, что наибольший, пройденный пока, сплошной подземный сифон находится во Франции и имеет протяженность 4000 метров! (*224)

Сколько же надо мужества, тактического и технического мастерства, знаний, какого снаряжения и Удачи требует преодоление 4 километров под землей и под водой?

А ведь надо еще и вернуться...

* * *

Нам было не достать до Австралии или Флориды.

А Мчишта продолжала притягивать взгляды и помыслы.

Несмотря на трагический октябрь, через полгода на Черную речку прибывает новая экспедиция. На этот раз, кроме традиционной дальневосточно-сибирской команды, здесь собрались аквакейверы из Москвы, Ростова, Каунаса, Сочи, Одессы, Тбилиси. И с легкой руки Володи Киселева на Мчишту пожаловали французы (*225).

"Понятно, что к февральской, 1989 года, поездке мы готовились с особой тщательностью. Спелеоклубы Красноярска и Владивостока взяли на себя всю техническую под готовку. С помощью свердловского "Спелеоцентра" были приглашены представители двух французских федераций – подводного спорта и спелеологии, изъявивших желание принять участие в этом сложном мероприятии. Четверку приглашенных составили известные французские спелеоподводники.

Клод Тулумджан из Марселя – председатель комиссии пещерных погружений Французской федерации подводного спорта, первоисследователь многих глубоких сифонов Франции, включая глубочайший сифон мира – Воклюз, куда он опускался до – 153 м! Несмотря на свои 47 лет (старейший спелеоподводник Франции), Клод активен и под водой, и на суше. Знание армянского и английского языков помогало ему преодолевать языковой барьер. Впрочем, под водой этой проблемы у него не возникало.

Его коллега – Бернар Лебьян, инженер агрономического института, более известен первопрохождениями длиннейших сифонов. В его активе погружения в сифоны длиннее 2 километров и глубже 100 метров.

Супруги Рожица и Робер Лавуанья, как и Бернар – из Дижона. Их влечет под воду Возможность фото- и киносъемок. Результатом их работы стал фильм об экспедиции. Им за сорок, но ни возраст, ни трое детей не мешают необычному увлечению. Робер – член спелеологической спасательной службы Франции. В прошлом году он выезжал на спасательные работы в пещеры-источники Польши и Марокко, вызволяя спелеологов, попавших в беду за сифонами".

Польскому парню не повезло, даже французские спасатели уже ничего не могли сделать. А вот в Марокко была проведена блестящая спасательная акция.

Когда в прошлом году в Болгарии я смотрел снятый в той марокканской пещере французами фильм, не мог отделаться от ощущения, что все это как-то не так: не по настоящему, что ли. Девять человек было отрезано паводком, причем, я уже упоминал об этом. Французские подводники вывели из-за сифона всех – синяя вода, несмотря на паводок – только легкая муть, контрастные костюмы, мощные баллоны, какая-то легкость во всем.

Потом я понял – почему. Просто все это было так не похоже на то, что я привык видеть.

Но послушаем Владимира Киселева:

"Погружения под землей давно уже выделились в особый вид "приключенческого спорта". Рожденное на стыке подводного спорта и спелеотуризма, это увлечение захватило приверженцев обоих видов деятельности. В ряде стран, например, во Франции и США, появились сотни любителей понырять в затопленных лабиринтах пещер с чистой и не очень холодной водой. Конечно, это относится в основном к легкодоступным пещерам-источникам. Там, где сифоны расположены далеко от входа, зачастую – на дне глубоких пропастей, дойти до них и дотащить тяжелое снаряжение способны лишь спелеологи. Первопрохождение сифонов – также в основном удел искусственных в этом спелеоподводников.

В нашей стране серьезные спелеоподводные исследования начались лишь в последние годы, хотя первые попытки погружения в сифоны совершались почти тридцать лет назад. И пусть до мировых рекордов было далеко, советские спелеоподводники смогли добиться мирового признания.

Наибольшие успехи были достигнуты в покорении сифонов, расположенных на дне глубоких пропастей.

Беспрецедентным было прохождение на километровой глубине в пещере имени Владимира Илюхина двух сложных сифонов, за которыми московские спелеоподводники преодолели еще 230 метров отвесных колодцев и погрузились в следующие два протяженных сифона".

Володя скромно умалчивает, что погружения эти делал именно он, пройдя первым все донные сифоны этой незаурядной пропасти, пока узость в конечном сифоне не заставила его остановиться.

Прохождение сифонов Илюхинской было действительно достижением мирового уровня, перед которым пасовали и европейцы.

Летом того же 1989-го года бельгийские подводники, прибывшие на Кавказ для совместной с москвичами работы на продолжение Илюхинской, отступили уже перед первым сифоном на отметке –950 метров.

И пришлось Владимиру Киселеву с Виктором Яшкиным вдвоем за четверых перетаскивать груз через три сифона, навешивать веревки на 230-метровую вертикальную засифонную часть и все также вдвоем предпринимать попытку штурма четвертого сифона пропасти.

Не все решают снаряжение и толстый кошелек...

Постепенно приходило понимание как надо работать.

"Погружению под землей предшествует длительная подготовка и тренировка. В отличие от спусков в "открытой" воде любая ошибка в сифоне может стать последней – всплыть под каменным сводом некуда.

Все жизненно важные детали, такие, как баллоны, легочные автоматы, свет – дублируются. Тогда даже в случае их неисправности сохраняется шанс выжить.

Вторая неизменная деталь – ходовой конец, прокладываемый в сифоне для ориентировки: потеря ориентировки в мутной воде – вещь заурядная. Обычно подводник защелкивает на ходовом конце карабин, закрепленный либо к запястью, либо шнуром к поясу. Даже выпустив карабин из рук, его не потерять. Кроме того, в запасе имеется 20-30 метров тонкого шнура, способного соединить порванные участки.

Другие правила, выработанные спелеоподводниками методом проб и трагических ошибок, касаются освещения и запасов воздуха.

В сифоне необходимо иметь три источника света, причем учитывать их герметичность в зависимости от глубины спуска.

Что же касается воздуха, то подводник, израсходовав треть всех запасов (а это можно проверить по показаниям манометров), должен вернуться (вторая треть – на возвращение), сохраняя последнюю треть как неприкосновенный резерв.

В том, что это отнюдь не прихоть перестраховщиков, мне неоднократно приходилось убеждаться на собственном опыте.

Много можно поведать и об особенностях снаряжения спелеоподводников – ведь хрупкие детали аквалангов необходимо защищать от ударов о скалы, а резину гидрокостюмов – от порезов. При погружениях в ледяной воде забиваемый в баллоны воздух проходит специальную просушку. Иначе влага может сразу же превратиться в ледяные шарики, способные испортить легочный автомат. Не случайно лучшим видом тренировки перед поездкой в сифоны считаются подледные погружения.

Многочратно возрастают проблемы, когда необходимо исследовать засифонное продолжение пещеры.

Из всего перечня выпускаемого в стране подводного снаряжения, я сумел найти лишь два наименования, не претерпевших никаких изменений. Это маска (хотя и в нее многие вставляют клапан для удаления воды) и семилитровый баллон. К сожалению, все остальное приходится переделывать, чтобы обеспечить комфортную и безопасную работу в сифонах.

Каждый баллон (вентили на них приходится заменять) автономен.

Система колец-бугелей позволяет собрать от одно- до шестибаллонного аппарата. При необходимости, баллоны крепятся и на пояском ремне – это удобно при прохождении низких ходов.

"Легочники" закрепляются так, чтобы в любой момент можно было не глядя переключиться на запасной.

Во всем мире подводники пользуются фонарями с галогенными лампами. Мы же вынуждены добавлять в свои подводные фонари еще одно уплотнительное кольцо, не мечтая уже о галогенках. Вставленные в эти "железки" импортные галогенные лампы вдвое повышали их яркость.

Уже не приходится говорить о гидрокостюмах, в которых нужно не только плавать, но и заниматься скалолазанием, продираться через "шкуродеры", иметь возможность быстро раздеваться и одеваться.

Особые требования к ластам – их надевают на сапоги, кеды или ботинки. Даже чугунные груза – и те не удовлетворяют многих подводников, предпочитающих более компактные свинцовые.

Поэтому можно было понять наши чувства, когда мы рассматривали экипировку зарубежных коллег. Конечно, полтонны снаряжения, привезенные французами, стоят не одну тысячу долларов. Костюмы постоянного объема фирмы "Посейдон", позволяющие быстро менять плавучесть; 18, 15, 12 и 10-литровые баллоны, каждый из которых снабжен редуктором, легочником и манометром; подводные галогенные фонари различных типов – от миниатюрных, крепящихся на каске, до мощных ручных прожекторов. Специальные электронные декомпрессиометры, автоматически просчитывающие время и глубину остановок после продолжительной работы глубоко под водой. Независимо от этого прибора – на запястье крепятся подводные часы, глубиномер и пластиковая таблица декомпрессии – все должно дублироваться. Подводные фото- и кинокамеры лишь дополняли чувство неполноценности. Завершал картину легкий бензиновый компрессор, позволяющий забивать воздух в баллоны под давлением 350 атмосфер.

Преимущество в снаряжении дает и преимущество в работе – например, для того, чтобы иметь столько же воздуха, сколько его забито в два 18-литровых баллона, надо собрать из пяти 7-литровых баллонов громоздкий аппарат с большим количеством соединений.

И все-таки не только мы учились мастерству подземных погружений. Кое-что перенимали у нас и французы.

Но вернемся к Мчиште. Медленно раскручивавшийся маховик экспедиции, начавшейся с адаптационных погружений и отсеивания менее подготовленных участников, постепенно набирал ход. За сифоном был установлен подземный лагерь на 8 человек, в который забросили продукты, топливо, вертикальное снаряжение, оборудование для топосъемки и фотографии.

После первой же ночевки пятеро спелеологов, включая Бернара, отправились к дальнему озеру. Переход туда занимает несколько часов и требует немалых усилий. Цитирую страницы дневника.

...Красноярцы Андрей Дидух и Игорь Герасимов, первыми прорывшие сифон и успевшие побегать по пещере, уверяли нас, что сразу же за лагерьем находится сифон. Но куда же тогда подевался добрый километр огромной галереи, нанесенный на карту год назад? Никакого промежуточного сифона не обозначено.

Ошибка выясняется быстро. В ярком свете ацетиленовых фонарей, которыми пользуются трое из вновь прибывших, сразу же обнаруживается обход глубокого сифонного озера. Карабкаемся по высокому скользкому натеку на высоту около 8 метров. Транспортные мешки поднимаем туда на веревке.

Наконец, оказываемся на узкой перемычке. Сверху поливает ручеек. Почти отвесный спуск с другой стороны натека и долгий проход по относительно узкой – всего 2-3 метра – галерее с обилием глубоких луж. Очередной водоем слишком глубок, и его приходится преодолевать вплавь. Андрей Дидух (ребята кличут его Дедом) ухитряется потерять здесь подводный фонарь и запасные батареи из развязавшегося мешка. Хорошо еще, что это не узкая ванна глубокой кальцитовый плотины, каскады которой поражают своей длиной и великолепием. Мы обходим систему природных "шлюзов" по узким гребешкам плотин, стараясь не задевать их хрупкую оторочку.

Пересекаем мрачный обвальный зал и попадаем к 6-метровому отвесу. Прямо под ним начинается глубокое и длинное озеро. Можно прыгнуть прямо в воду, но как потом возвращаться? Те из ребят, кто был здесь ранее, ничего об этом не говорили. Ищем возможные обходы среди узких щелей – безрезультатно. Приходится заняться скалолазанием, рискуя с любой момент сорваться в холодную воду. На узкой полочке надеваем ласты – предстоит заплыв метров на 200. Кто соскальзывает, а кто и просто плюхается в воду. Андрею Скачкову приходится плыть в одной ласте – вторую потеряли при прохождении входного сифона, когда суматошный Дед решил "помочь" слишком медленно, по его мнению, всплывавшему Бернару. Результатом "помощи" стала утерянная ласта.

Но и Деда можно было понять – только что из-за азотного наркоза (глубинного опьянения) потерял сознание его напарник, Игорь, вдобавок перевернувшийся вверх ногами, словно поплавок. Он погружался вниз головой и не справился вовремя с обжимом – воздух в гидрокостюме собрался в ногах. Хорошо, что рядом оказались товарищи, оказавшие помощь пострадавшему.

Как Игорь будет возвращаться? Пока мы стараемся об этом не думать.

...Плыть с мешком неудобно, но деваться некуда. Приближается спасительный берег. Вскарабкавшись по склону и преодолев очередной завал, вновь спускаемся к воде. По плану здесь должен быть огромный обвальный зал. Мы уже не знаем, по какой части пещеры идем, известной или нет. Озеро заканчивается, еще одна шестиметровая стена, небольшой проход... Брошенный вниз камень летит по наклонной плите и срывается в воду. Гулкое эхо – озеро глубокое.

Навешиваем веревку, и Игорь, взяв ласты и маску, спускается к воде. Хотя здесь самый пологий спуск, последний отвесный участок преодолевается с трудом. Ласты он надевает уже на плаву.

Терпеливо ждем результата.

Запыхавшийся Игорь краток: "Сифон!".

Озеро и впрямь выглядит безнадежно, хотя мозг отказывается верить в такой простой конец экспедиции. Пытаемся проверить все варианты возможного обхода этого серьезного препятствия. Сложное скалолазание по заглиненным склонам уводит нас под самый свод высокого зала. Почти по периметру пересекаем нависающие над озером стены, рискуя сорваться с высоты в глубокую воду, обнаруживаем проход в тот самый обвальный зал. Все бесполезно...

Здесь нужен акваланг. Сумеет ли мы доставить сюда громоздкое подводное снаряжение? Ведь дополнительные баллоны еще нужно протащить через входной сифон. Подавив в себе разочарование от упущенной легкой победы, принимаемся за работу. Предстоит картировать еще неотснятые галереи, обследовать боковые притоки.

Несмотря на неудачу, мы не пали духом. Все шло своим чередом – топо- и фотосъемка, утомительные поиски новых ходов, требующие немалого мастерства в скалолазании.

Экспедиция развивалась как бы в двух измерениях – подземном и наземном, связанных между собой лишь тонким проводом телефона. Преодолев сифон, можно было всего за 40–50 минут переместиться под надежный каменный свод, на несколько дней погрузиться в царство мрака и водопадов.

На поверхности шла своя размеренная работа. Монотонный гул компрессоров, забивающих воздух, разбитая тропа от гостеприимного форелевого хозяйства, где разместились наша база, до источника, вечно снующие по ней спелеологи...

Ежедневные тренировочные погружения для тех, кто еще не очень искушен в спелеоподводном деле.

Параллельно велась заброска необходимых грузов за сифон. И выполнение одной из главных задач экспедиции – обследование сифона.

Несколько лет назад, во время окрашивания подземной реки в пещере Снежная, расположенной на другом конце хребта, краситель, неожиданно для многих (*226), появился в Мчиште. Это свидетельствовало о существовании огромной подводной галереи длиной в 13–15 километров, проходящей ниже соседних ручьев и рек.

Нащупать начало этой галереи удалось в октябре, во время поисков пострадавшего (*227). Более теплая и мутная вода подсказывала, что этот подводный ход ведет к совсем другой гидросистеме. Его обследованием занялись самые опытные – Клод Тулумджан и Петр Миненков. Два дня ушло на поиски начала галереи. Наконец, со дна сифона в ее сторону потянулся тонкий капроновый шнур.

Но каждое погружение давалось все труднее – ход, начавшийся на –26 метрах, уводил все глубже и кончался отвесным подводным колодцем. В последний день

экспедиции Клод поставил рекорд спуска в сифонах СССР: -65 метров, но так и не дошел до дна...

Это был последний аккорд в экспедиционной сюите, которому предшествовали два других события.

За день до того отличилась пещерная команда, которая организовала погружения в дальнем сифоне. Представленная в основном красноярцами, она сумела показать высокий класс подготовки сибиряков. Андрею Скачкову пришлось опуститься до глубины -48 метров, прежде чем он обнаружил перегиб свода. Чтобы всплыть с другой стороны этого сложного сифона, требовался слишком большой запас воздуха.

В соседнем озере была обследована наклонная подводная галерея, где служивший ходовым концом провод кончился на -25 метрах...

"Поверхностная" группа в это время совершала запланированный визит в Новоафонскую пещеру, где по договоренности с дирекцией намечались погружения в подземные озера близ туристской трассы. Здесь Бернар Лебьян сделал то, что не удавалось никому за 27 лет исследования этой замечательной пещеры. Впервые соединив подводной галереей два известных озера, Бернар решил более детально просмотреть дно одного из них. Результат не замедлил сказаться: стометровая подводная галерея на глубине -20 метров вывела его в огромный подводный зал, где удалось опуститься до -35 метров. Эта точка находится на уровне моря. Луч несомого Бернаром мощного прожектора не достигал ни стен, ни дна гигантского сифона.

Приходится признать, что за время экспедиции мы поставили перед собой больше вопросов, чем решили. Но мы не в обиде на судьбу - легкие победы не в цене.

Табличка над сифоном и опущенный в воду букет фиалок напоминают нам о Саше Кашлеве из Владивостока, цене безопасности и хрупкости нашего бытия.

И все же мы вернемся сюда..."

* * *

В отечественном аквакейвинге не очень-то принято работать в сифонах в одиночку.

Не любили у нас одиночек, чего бы это ни касалось.

Однако, чем выше оказывалась сложность предстоящего, тем более соблазнительным казалось отправиться в путь одному.

Все соображения о необходимости подстраховки и взаимопомощи разбивались о простой, как все истинное, закон:

- надежность всякой системы убывает с увеличением числа ее звеньев и составных частей.

Балансируя между паталогическим страхом одиночества и наслаждением, порожденным отсутствием необходимости заботиться и волноваться о ком-либо, рассчитывать ходы и их последствия за кого-то, кроме самого себя, мы неизбежно приходим со временем к пониманию того, что существует альтернатива коллективистскому подходу к экстремальным видам деятельности - таким как скалолазание, альпинизм, кейвинг и, конечно, спелеоподводные погружения.

Так что, читая правила, не забывайте, что существуют и другие мнения на этот счет.

Прежде всего, у Йохена Хазенмайера, предпочитающего исключительно одиночное плавание.

"...Я ныряю, чтобы перейти границы, отыскать пути в неизведанное. Меня привлекает то, что кажется опасным, но риск можно свести к минимуму с помощью знаний и техники. Хладнокровие также помогает преодолевать экстремальные ситуации.

Под водой я всегда один - и сознательно.

Правилами спортивных погружений это запрещается. Такой подход оправдан для открытых водоемов, где аквалангисты могут при необходимости помочь друг другу и

где поблизости поверхность воды. Однако в пещере эти правила не срабатывают. Здесь каждый подводник неизбежно крутится среди грязи и ила, его взгляд часами ограничен несколькими сантиметрами. Если на пути вперед перед ним еще чистая вода, то возвращение всегда происходит на ощупь. Путь из пещеры в этом случае определяется только по ходовому концу из стального троса, проложенному при первопрохождении. На нем через каждые 10 метров имеются маркировочные флажки и маленькая стрелка, указывающая направление выхода из пещеры. При постоянном ощупывании этой "нити Ариадны", при прохождении узких скальных проходов и при неизбежной постоянной проверке собственного снаряжения, невозможно помочь другому человеку. Нужно рассчитывать только на себя.

В октябре 1983 года во входной части "Голубой пещеры" погибли два молодых подводника, которые как предполагают, потеряли ходовой конец и после этого растерялись, запаниковали, хотя их запас воздуха был мало израсходован.

В сифоне очень просто прийти к ситуации, при которой может возникнуть паническая реакция. В мутном илистом бульоне, где пузыри выдыхаемого воздуха увлекаются потоком, можно потерять душевное равновесие и сорваться. Поток адреналина учащает сердечные сокращения, дыхание также учащается. Но легочный автомат подает слишком мало воздуха. Тогда ты начинаешь верить в то, что задыхаешься, и новый адреналиновый толчок еще сильнее закручивает спираль смерти.

Следовательно, необходимо вовремя распознать предпосылки такой "сифонной паники". Когда я попадаю в ситуацию, в которой чувство страха грозит затопить мой разум и четко определенную программу действий, я ложусь на дно. Я убеждаю себя, что в баллонах достаточно воздуха, и успокаиваюсь. На помощь мне приходит многолетний опыт и многократно проверенное снаряжение, с помощью которого я надеюсь преодолеть все мыслимые опасности" (*228).

Думаю, что с мнением Йохена нельзя не считаться. Тем более, что всякий аквакейвер рано или поздно попадает в переделку, в которой проверяются все резервы его опыта и самообладания. Если уж сам Хазенмайер, и тот не избежал поистине отчаянных ситуаций.

"...Хазеимайеру, у которого были баллоны большей вместимости, предстояло идти первым, за ним следом должны были нырять Оливер Статам и Джеф Йидон (*229). На поверхности шли сильные дожди, видимость была отвратительной – не дальше вытянутой руки.

Йохен очень энергично доплыл до конца страховочной веревки, а затем двинулся дальше, нащупывая дорогу вдоль пола пещеры. Во время предыдущей попытки Джеф угодил здесь в тупик. Йохен чувствовал, что там должен быть проход, ведущий влево, однако натолкнулся на узкую трещину шириной всего сорок пять сантиметров. Большие баллоны Йохена располагались у него на спине, и это сильно мешало ему. Протискиваться сквозь такие узкие участки было опасно, поскольку в случае аварии там нельзя было осмотреть неисправность или сделать это хотя бы на ощупь. И все же он умудрился, как червь, проползти через это сужение и увидел, что дальше проход расширяется, но потолок становится еще ниже.

Вытравливая страховку, Йохен протиснулся дальше. Когда страховочная веревка кончилась, он, закрепив ее, пошел обратно. Но, двигаясь сюда, Йохен допустил ту же ошибку, что и Джеф во время своего первого спуска в пещеру Борхем, – не закреплял веревку в тех местах, где она огибала выступы стен. Протягивая за собой "ходовик", он невольно втянул веревку в более узкие и низкие места, где двигаться было значительно труднее, а то и попросту невозможно. Из-за этого, повернув назад, Йохен попал в очень непростое положение. В такой ситуации нетрудно потерять ориентацию. Йохен находился более чем в 914 метрах от входа почти в полном отсутствии видимости. Чем больше усилий он прилагал для поиска пути, чем энергичней проталкивался вперед, тем больше мути поднималось со дна, пока видимость не сократилась вообще до нескольких сантиметров.

Оливер Статам пустился в путь через три четверти часа после Йохена и следовал по веревке до места сужения прохода. Один баллон с воздухом был у него на спине, два других – по бокам. Это означало, что его габариты оказались еще больше, чем у Йохена, и протиснуться здесь он практически не мог, поскольку к тому же и сам был крупного телосложения. Оливер почти израсходовал треть воздуха и поэтому, страшно обеспокоенный, начал пробираться назад по веревке навстречу Джефу, который стартовал еще через три четверти часа после него.

Вот что рассказал Джеф Йидон:

"Я столкнулся с Медведем, пройдя примерно 900 метров: он возвращался. Я тут же почувствовал неладное, потому что первым должен был появиться Йохен. Затем Медведь написал ужасные слова на моей доске: "900 метров. Маленький на спине, большие на боках (это означало, что его баллоны были закреплены на спине и боках). Йохена не видно. Беда?!!"

Я ответил: "Пойду посмотрю, потом вернусь".

Джеф доплыл вдоль страховки до места сужения прохода. Вглядевшись во мрак, он так ничего и не увидел. Перед Джефом стояла та же проблема, что и перед Оливером, – его баллоны тоже размещались на спине и по бокам. Он решил ждать, пока не израсходует треть воздуха. Вокруг была холодная мутная вода, беспокойство Джефа нарастало, потому что Йохен находился под водой уже на час дольше него, и, несмотря на большую вместимость баллонов, наверное, был близок к тому, чтобы израсходовать резервный запас воздуха. Джефа терзали противоречивые чувства, он очень хотел предпринять хоть что-нибудь и помочь товарищу, но сам находился в беспомощном положении. По-видимому, ему предстояло бросить товарища в беде.

Джеф почти израсходовал допустимый запас воздуха и, скрипя сердце, собирался было возвращаться, когда почувствовал, что страховочная веревка в его руке дрогнула. Йохен был где-то рядом. Джеф потянул за веревку, чтобы дать знать Йохену, что тот не один, а затем, извиваясь всем телом, все же протиснулся сквозь узкую щель и вскоре увидел тусклое сияние налобного фонаря Йохена в каких-то полутора метрах от себя. Однако на дне прохода между ними было нечто вроде песчаного наноса, который почти доходил до потолка, оставляя лишь узкую щель высотой всего в несколько сантиметров. Йохен не видел огня Джефа и пробивался куда-то в другом месте. Между ними не было связи. Вероятно, Йохен даже не понял, отчего дергается "ходовик". Это вполне могло означать, что кто-то из его товарищей тоже застрял.

И вдруг огонек Йохена исчез. Очевидно, он "дал задний ход" и, пытаясь выбраться из западни, начал протискиваться через другой ход.

Джеф ничего не мог поделать. Иных способов привлечь внимание Йохена не было. Джеф не осмеливался двигаться дальше сквозь сужение, потому что это означало бы полную невозможность отступления с его баллонами на спине и по бокам. Страховка теперь окончательно запуталась. Выбраться обратно, даже извиваясь всем телом, было довольно трудно. Всякий раз, когда его заклинивало, казалось, что это навсегда. Однако Джеф взял себя в руки, умерил дыхание, немного подался вперед, снова начал извиваться всем телом, на этот раз очень осторожно, и все-таки выбрался из щели.

Он взглянул на манометры и увидел, что расходует вторую треть воздуха. Однако теперь ситуация изменилась. Йохен находился рядом и нуждался в немедленной помощи. Веревка дернулась снова. Джеф снова протиснулся вперед и опять увидел огонек Йохена. Однако тот по-прежнему не смотрел в его сторону.

Джеф отступил. Он расходовал воздух слишком быстро – сказывалось нервное напряжение, а также глубина – восемнадцать метров ниже уровня воды на поверхности, отчего расход воздуха был в три раза выше нормального. Огонек Йохена продолжал мерцать – на этот раз сквозь какую-то дыру, слишком узкую для того, чтобы кто-нибудь вообще смог протиснуться сквозь нее.

Наконец Йохен заметил огонек Джефа и поплыл к нему. Оба аквалангиста оказались совсем рядом. Джеф протянул руку, и Йохен ухватился за нее.

Вот что рассказал Джеф:

"Я почувствовал, как дрожат его пальцы и вся рука, когда он схватил мою руку, и невольно подумал, что мне делать, если он так и не отпустит ее. Я постарался умерить дрожь в собственной руке, чтобы показать товарищу, что у меня все в порядке и я нахожусь в хорошем месте. Я хотел, чтобы Йохен повернул назад и сделал другую попытку найти правильный путь, но у меня не было средств для того, чтобы сообщить ему это. Он все сжимал и сжимал мою руку, и я отвечал тем же, чтобы вселить в него уверенность. Затем он похлопал меня по руке и отошел задним ходом. Я принял это за знак капитана Оатса, который удаляется и приказывает мне спастись самому, пока не поздно. Возможно, он просто хотел дать знать, что собирается предпринять другую попытку. В тот миг я был уверен, чтожимаю руку мертвецу".

К этому времени Джеф уже вовсю расходовал вторую треть воздуха, однако упорно дежурил около сужения, посвечивая туда своим фонарем, отчаянно надеясь, что Йохен все же нащупает правильный путь. И это ему действительно удалось. Йохен обогнул песчаный нанос и, продолжая держаться за страховочную веревку, умудрился протиснуться сквозь неудобный "шкуродер", ведущий к спасению.

Когда появился Йохен, Джеф из осторожности держался у потолка прохода. Он наслышался рассказов об аквалангистах в Австралии и Флориде, которые, израсходовав свой запас воздуха, нападали на своих же товарищей, с отчаяния пытаясь отнять у них баллон с воздухом в борьбе за жизнь.

"Я не знал Йохена достаточно хорошо и поэтому решил отойти подальше. Я держался за страховку, чтобы он мог отыскать меня, и был в состоянии видеть, как ужасно он выглядел, когда выбрался из дыры".

На самом деле у Йохена все еще был воздух. Один баллон был почти пуст, во втором оставалось чуть больше. Йохен так и не показал никому, сколько воздуха у него оставалось, возможно, чтобы не волновать жену, которая ожидала его у входа в пещеру. Йохен не захотел говорить о том, что он передумал, когда оказался в западне по другую сторону сифона в месте, получившем название "Рукопожатие мертвеца". Единственное, в чем он признался – все это было кошмаром.

Он выжил только благодаря чрезвычайно высокому уровню самоконтроля и уже спустя несколько часов после выхода на поверхность планировал вернуться сюда и рассуждал о том, как обезопасить преодоление того прохода с помощью закрепления страховки, использования более вместительных воздушных баллонов и изменения способа их транспортировки".

* * *

Сколько раз после очередной нервной встряски мы обещаем себе – больше никогда?..

Многие выдающиеся любители экстремальных видов деятельности могут вспомнить мгновения, от которых леденеют ладони.

Интересно, какова должна быть "доза страха", его концентрация, чтобы заставить нас отказаться от задуманного?

И – тем более – оставить любимое дело?

Вот очень яркие строчки выдающегося альпиниста Рейнхольда Месснера:

"Вдруг снег обрушивается подо мной, мой налобный фонарик гаснет (*230). В отчаянии пытаюсь зацепиться. Напрасно. Проходят первые ужасные секунды. Совершенно темно, но мне кажется, что я все вижу: сначала кристаллы снега, потом сине-зеленый лед.

"У меня нет на ногах кошек", – проносится в мозгу. Я понимаю, что происходит, и, тем не менее, остаюсь совершенно спокоен. Я падаю в пропасть, нахожусь в процессе падения, как в замедленном кино, ударяюсь то грудью, то спиной о стенки ледовой трещины, расширяющейся книзу.

Чувство времени утрачено, а заодно и чувство глубины падения. Сколько это продолжается: секунды, минуты? Я совершенно невесомый, поток тепла пронизывает мое тело.

Вдруг ощущаю опору под ногами. И одновременно понимаю, что я попался. Пожалуй, я останусь в этой трещине навсегда. Холодный пот выступает у меня на лбу. Вот когда я испугался. Первая мысль: "Если бы у меня была рация, я мог бы вызвать Нену". Может быть, она услышала бы меня. Но смогла бы она подняться на эти 500 метров, чтобы спустить мне в трещину веревку? Я ведь совершенно сознательно решил на одиночное восхождение без рации, и это не один раз обсуждалось перед выходом.

Ощупываю налобный фонарик, и вдруг становится светло – зажегся! Облегченно вздыхаю, но при этом не решаюсь шевельнуться. То, на чем я держусь, тоже не очень прочное. Тонкий, просвечивающийся снежный пласт ненадежно висит между двумя стенками трещины. Задираю голову вверх и всего лишь в восьми метрах вижу дыру, в которую я провалился. С черного кусочка неба на меня смотрят несколько далеких-далеких звездочек. Ужас исходит из всех моих пор, пронизывает мое тело своим дыханием, таким же ледяным, как эти отсвечивающие сине-зеленым цветом стены трещины.

Так как трещина наискось сужается кверху, у меня нет никаких шансов выбраться из нее. С помощью налобного фонарика я пытаюсь осветить дно трещины: дна не видно. Черные дыры зияют слева и справа. Снежничек, задержавший мое падение, – величиной с квадратный метр. Я покрываюсь гусиной кожей и дрожу всем телом.

Однако реакции моего тела резко противоречат спокойствию рассудка: мозг не боится нового падения в бесконечную глубину, он хочет только окончания, освобождения от всего этого. Но в то же время есть и надежда: авось все-таки выберусь.

Я впервые переживаю страх как физический рефлекс, без психического давления. Все мысли сосредоточились на одной проблеме: выбраться наружу. Эверест перестал существовать. Чувствую себя неповинным в этом пленении. Это искреннее чувство невинности необъяснимо, но я не упрекаю, не ругаю себя. Что уготовила мне судьба на этот раз, я не знаю. Я даю себе слово повернуть назад, если когда-нибудь увижу белый свет. Никаких больше восьмимысячников в одиночку!

Выступивший от страха пот замерз в волосах и на бороде. А между тем страх, сковавший мои члены, тут же исчез, как только я начал действовать, пытаюсь достать кошки из рюкзака. Каждое движение грозит дальнейшим падением в бездонную пропасть, кажется, что снег медленно сползает вниз. Тут я обнаруживаю на долинной (*231) стенке моей трещины полочку, небольшую кромку шириной в две ступни. Она ведет по косой вверх и полностью забита снегом. Это спасение!

Осторожно, широко расставив руки, я падаю руками на прорезанную полочкой стенку. Какое-то мгновение мое тело представляет собой дугу между снежной пробкой и слегка нависающей стенкой надо мной. Осторожно переносу правую ногу, ставлю ее на ступеньку в снег, который карнизом намерз на нижней, долинной стенке трещины. Нагружаю ногу. Держит. Теперь ненадежный мостик частично разгружен.

Каждое мое движение инстинктивно изящно, как фигура заученного танца. Пытаюсь уменьшить вес своего тела. Глубокий выдох, все тело подчинено новой позиции. На мгновение, на одно решающее для жизни мгновение становлюсь невесомым. Отталкиваюсь левой ногой от снежного мостика, руками поддерживаю равновесие, весь вес тела на правой ноге. Теперь можно сделать шаг левой. Облегченный вздох.

Крайне осторожно перехожу – лицом к стене – направо. Правая нога ищет новую опору в снегу, левый ботинок с точностью до миллиметра поставлен в снежный след, который несколько секунд перед этим занимал правый. Карниз становится шире, он ведет по косой наверх, на волю. Я спасен!

Через несколько минут я уже наверху, ниже трещины, но в безопасности. Я как будто заново родился на свет. Я стою здесь с рюкзаком на спине, с ледорубом в руках, как будто ничего и не было.

Сидя в трещине, я решил, что вернусь, прекращу восхождение, если благополучно выберусь. Теперь, когда я наверху, – продолжаю подъем, не задумываясь, ничего не проводя через сознание, как робот, запрограммированный на восхождение.

Первые лучи солнца осветили Северное седло. Смотрю на часы: около семи. Сколько же я пробыл в трещине? Не знаю. Это событие уже улетучилось из моего сознания. Свою клятву спуститься я не воспринимаю всерьез, не думаю, как мне удалось себя обмануть. Я решительно иду вдоль нижнего края трещины, полностью сосредоточившись на вершине.

Это смертельно опасное падение не имеет для меня ничего общего с Эверестом. Оно лишь увеличило мою бдительность до размеров, далеко превосходящих разумную норму".

Всегда ли оправдан риск?

И риск ли это?

Все относительно. На мой взгляд – риск, на Ваш – безумие, а по мнению того же Хью Моррисона – нормальная работа в сифоне.

Все зависит от самочувствия и самооценки исполнителя.

Изнутри виднее...

Если, конечно, Вы исполнитель высшего класса.

На более низком уровне такие логические цепочки губительны.

* * *

Признайтесь, вертится в мыслях и на языке вопрос: "А зачем все это?"

Действительно, к чему этот риск и трагедии, когда можно спокойно жить в привычно очерченном кругу?

"Лучше иметь живых врагов, чем мертвых друзей..."

Кто категоричен, тот не прав.

Кто тороплив, тот не найдет истины.

Не ответить однозначно на эти вопросы.

Ясно одно: пока живо человечество – кто-то всегда будет стремиться к неизвестности, за видимый горизонт.

Писатели-фантасты давно перешагнули границы нашей Земли. Придет время, когда и это станет реальностью. Все, что можно вообразить – может, таким образом, существовать.

Кейвинг, тем более подводный, для большинства живущих на земле – тоже фантастика.

Но в отличие от книжной – это фантастика современная и весьма осязаемая.

Каждый из нас, кейвер-вертикальщик или спелеоподводник, живет в этом ирреальном мире и находит в нем свое: в меру своих увлечений, притязаний, характера, темперамента и жизненной философии.

И каждый решает за себя – идти ли на отвес или в сифон.

Потому что никто не сможет сделать выбор за нас, не прибегая к насилию.

А насилие – самая отвратительная вещь в мире.

Даже если насилие – "во благо"...

* * *

Заглянем же еще раз глазами Йохена Хазенмайера в глубину Блаукопфа, почувствуем тот звездный час, когда многолетние усилия вдруг приводят к успеху.

Мгновения – цена которых не измерима золотом.

В этом чудовищном мире, где весом золота, кажется, измеряется все...

Хазенмайер начал свои исследования в источнике "Голубое озеро" в 1969 году. Год за годом он совершенствовал свое снаряжение и совершенствовался сам, вновь и вновь возвращаясь к тайнам Блаукопфа. История его исследований – готовый материал для отдельной захватывающей книги. Вечно один, паря в черных безднах гигантской пещеры, Хазенмайер с каждым годом продвигался все глубже. И появлялись на карте никем никогда не виданной пещеры манящие названия: "Двойные ворота", "Облачный зал", "Тысячметровый риф"...

И только через шесть лет настал этот миг!

Пройдя около 1300 метров подводных лабиринтов, Хазенмайер вышел в долгожданный незатопленный зал.

"4 ноября 1985 года... через 2 часа после начала погружения мне удалось достичь последней исследованной точки. Час заняла съемка фильма. Я припарковал скуттер к ходовому концу 83-го года и привязал к нему новый провод. Камера, которую я тянул за собой, фиксировала осторожные гребки ласт, атакующие неизвестную часть пещеры. Отвесные стены разрушены и окрашены в темно-красный и черный цвета. Через 80 метров свод пошел вверх. Скальный барьер оставил свободной лишь узкую лазейку. Покрытый осадками пол приподнялся и стал уже. Замечаю в глубине расширение. Под водой вижу натеки. Опыт подсказывал, что незатопленные пещерные залы должны находиться поблизости.

Киносветом я прослеживаю выдыхаемые и поднимающиеся пузырьки воздуха. Они исчезают на серебристой поверхности – зеркале озера. Надо мной находится первый воздушный зал "Голубой пещеры". Мне не терпится узнать, какой он величины, но я должен выждать. Крови и тканям требуется время, чтобы вывести растворенный в них под давлением глубины азот. При быстром всплытии в тканях могут образоваться газовые пузырьки. Поэтому я следую предписаниям, выданным мне двумя моими декомпрессионными компьютерами: 15 минут задержки на глубине 6 метров и еще 50 минут на 3-метровой глубине.

А пока рассматриваю великолепные украшения на стенах. Все эти натеки созданы водой и затоплены руками людей. Они скрылись под водой после создания плотины, образовавшей "Голубое озеро". После этого уровень воды в пещере поднялся на 7 метров.

Через некоторое время наталкиваюсь на толстые "барабанные" остатки натеков, торчащие с пола. Это говорит о том, что при падении содержащие кальцит водяные капли сильно разбрызгивались от удара – убедительное свидетельство большой высоты зала, который меня ожидает.

Наконец, красные лампочки компьютеров погасли. Всплываю. Свет скользит вдоль длинного озера и падает на высокие натежные каскады. Надо мной смыкается огромный скальный собор. Причудливые натежные фигуры проступают из темноты пещерной ночи. Я решаю, что зал должен называться "Гротом Мёрики", по имени швабского поэта, которому мы обязаны "Историей прекрасной Лау" – об изгнанной из устья Дуная в Голубое озеро русалке. Нагруженный тяжелыми салазками с фото и кинокамерой, с трудом всплываю, чтобы заснять свои первые впечатления. Однако для хорошей съемки необходим плот.

Через несколько дней мне удалось благополучно доставить упакованный плот в "Грот Мёрики". Через час все готово для съемки, но ничего не получается. Я вдруг обнаруживаю, что на аппарате установлено расстояние 20 см, но мне не удастся открыть в пещере водонепроницаемый футляр.

"Как это могло произойти?" – спрашиваю сам себя.

Вывод один – ошибки не повышают безопасность.

Три недели спустя, во время третьего посещения, я провел в "Гроте Мёрики" 11 часов. Я, наконец, смог произвести съемку фильма и сделал цветные снимки. Только теперь я увидел все великолепие и величину этого зала: 120 метров в длину и до 25 метров ширины. Он вздымался на 30 метров над зеркалом воды – высота 10 – этажного дома – пожалуй, неплохо для свисающих низко натеков.

Так на глубине 140–170 метров от поверхности земли я открыл самое большое из известных немецких пещерных озер и самый большой из известных пещерных залов

Швабско-Франконского Альба – часть огромной пещерной системы, из которой очевидно, мы знаем только начало. Все говорит о том, что за "Гротом Мёрики" находятся и другие залы, может быть, еще БОЛЬШИЕ. Уже в этом году я хочу проникнуть дальше вглубь горы".

Они снова манят нас, неизвестные продолжения, неоткрытые пещеры и пропасти.
Открывая их, мы познаем себя.

Семь футов под ластами, Рыбы!

***202** Источник выходит к свету через несколько пещерных ходов, в глубинах соединенных в систему заполненных водой подземных колодцев и галерей. Далее даты, цитаты и подробности по книге владивостокского спелеоподводника Андрея Нора "Мчишта. Дневники спелеоподводника." Издательство Московского физико-технического института, 1995 год.

***203 Коха** – прозвище Николая Авдеева, Владивосток.

***204 Борода** – спутка ходового конца, проложенного как раз (как это ни парадоксально) для того, чтобы облегчить и обезопасить движение в сифоне с его мутью и ограниченной видимостью.

***205** Первые признаки кессонной болезни – кожный зуд и боли в суставах.

***206 Разгидриться** – снять гидрокостюм, спелеосленг. В данном случае Нор поясняет, что парни сняли гидрокостюмы по пояс.

***207 "Украина"** – вид акваланга советского производства.

***208 Реп** – репшнур, спелеосленг.

***209 До заброски** – до доставленного, заброшенного ранее резервного баллона.

***210 ИДА** – изолирующий дыхательный аппарат, то же, что и "кислородник".

***211 Й.Хазенмайер** "Тайна Блауткопфа" 1986г. По материалам В.Э.Киселева в переводе А.В.Арчакова.

***212** Для сравнения, среднегодовой расход Мчишты – 10 000 литров в секунду, а максимальный паводковый расход достигал 200 000 литров в секунду (по данным П.Миненкова, 1995 г.)

***213 Петр Миненков** "Так это было" (Из воспоминаний участника событий), Издательство МФТИ, Москва, 1995 год.

***214 Юбилейная** – пещера-источник на Арабике, многие годы исследовавшаяся красноярскими спелеоподводниками.

***215** Иногда поражаюсь бытующей у нас терминологии. Вот достойный пример – отрицательная плавучесть! Как тут не вспомнить Михаила Задорнова: "живой труп", "честный депутат"...

***216 Пещера Большая Орешная** в Восточных Саянах недалеко от Красноярска, где осенью 1987 года погиб спелеоподводник из Красноярского клуба.

***217** Проникновение воды в гидрокостюм при тренировочном выходе для привыкания (адаптации) к сифону и подгонки снаряжения.

***218** Чтобы до конца вникнуть в проблему, стоит помнить, что давление на барабанные перепонки – штука весьма болезненная, и "долгожданный писк в ухе" подобен утиханию зубной боли.

***219 ТРЕХБОЛТОВКА** – Трехболтовое водолазное снаряжение – это "скафандр" с медным котелком на голове, в котором мы с детства привыкли представлял водолаза. Шлем крепился к костюму тремя болтами. К слову сказать, поразительное изобретение: созданный к началу XIX века "скафандр" по сей день мало изменился, широко используется и будет использоваться в будущем, очень удобен для стационарных работ, там, где не надо плавать. Прим. А.Нора.

***220 30 атмосфер** – минимально допустимый предел запаса воздуха для АВМ.

***221 Дядька** – прозвище Рашита Бадрутдинова, Владивосток.

***222 Ф.Ле Ган** "Экспедиция Нулларбор-83" "Spelunca" № 15, Франция, 1984г – по материалам В.Э.Киселева в переводе А.В.Арчакова.

***223** По данным Атласа Курбона (Poul Courbon, "Atlas of the great caves of the world", 1989) экспедиция потратила 20 баллонов сжатого воздуха и достигла нескольких больших результатов – 5540 метров под водой, что в оба конца составит более 11 километров. И пешком не очень-то пройдешь!

***224 СПЛОШНОЙ СИФОН** – расстояние от одного воздушного пузыря до другого соседнего без возможности промежуточного всплытия.

***225 В.Э.Киселев** "По следу ладьи" – Вместо послесловия к книге А.Нора "Мчишта. Дневники спелеоподводника", Издательство МФТИ, Москва, 1995 год.

***226 "Для многих"** – это мягко сказано. Я бы сказал – для всех. Помню, какие квадратные глаза были у инициатора этого окрашивания Володи Резвана, когда он узнал результаты обработки расставленных в источниках ловушек!

***227 П.Миненков**, после гибели в сифоне А.Кашлева.

***228 Й.Хазенмайер** "Тайна Блауткопфа" 1986г. по материалам В.Э.Киселева в переводе А.В.Арчакова.

***229 Крис Бонингтон** "В поисках приключений" – "Рукопожатие мертвеца", "Прогресс", Москва, 1987 год. Приводя подобные цитаты, постоянно наталкиваюсь на недостатки перевода, часто приводящие к трудностям в восприятии непосвященными некоторых существенных деталей. Поэтому беру на себя смелость уточнять перевод прямо по тексту.

***230 Райнхольд Месснер** "Хрустальный горизонт", "Планета", Москва, 1990.

***231 Долинная стенка**, долинная нога и т. д. – для альпинистов это тот из двух предметов, который находится ниже по склону.

Константин Борисович Серафимов

"ЭКСПЕДИЦИЯ во МРАК"

www.sumgan.com